

**«ЗАДИРАТЬ НОС ВЫШЕ МОЗГА»,
ИЛИ «ПОЧЕМУ ЛЮДИ ТАКИЕ ДРЯНИ?»**
(Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову,
А. А. Блоку и А. С. Серафимовичу)

*Подготовка текста, публикация,
вступительная заметка и примечания А. А. Аксеновой¹*

Надежда Дмитриевна Санжарь — одна из наиболее одиозных фигур в русской литературе первой трети XX в. Она была дочерью донской казачки, зарабатывавшей на жизнь проституцией, и государственного крестьянина, отсидевшего срок за уголовное преступление. До революции Санжарь изо всех сил пыталась внедриться в литературную среду; она засыпала полуграмотными письмами Суворина, Брюсова, Блока, Вяч. Иванова, Вересаева и других, оправдывая издержки стиля трудностями своей жизни. При этом Санжарь всякий раз «подстраивалась» под корреспондента, не только трансформируя стиль или топику, но даже «пересочиняя» свою биографию в зависимости от идеологии адресата, как она ее себе представляла. Ее *idée fixe* в это время можно было бы определить как комплекс Девы Марии: Санжарь гордилась своей девственностью, сохраненною несмотря на замужество с пожилым евреем, который был намного ее старше (<...> *Он как отец с невинной жил еврейкой, // Кормил ее — и больше ничего*), и в то же время она хотела зачать гениального ребенка, «сверхчеловека» от какой-нибудь литературной знаменитости (с просьбами такого рода Санжарь без обиняков обращалась к Леониду Андрееву, Блоку, Горькому, Вяч. Иванову и многим другим; см. приложение I). После революции Санжарь в очередной раз резко изменила манеру, облик и тон: «Детеныш столяра и кухарки», — писала она о себе Серафимовичу во второй половине 1920-х годов². Даже почерк ее, некогда близкий к каллиграфическому, в это время совершенно огрубел, а буквы увеличились в размере приблизительно вдвое.

Н. Д. Санжарь родилась в сентябре 1875 г. в Новочеркасске. С 11 лет она сама зарабатывала себе на хлеб. В начале 1900-х годов Санжарь переехала в Петербург, где начала печататься, преимущественно в детских журналах («Красные зори», «Живописное обозрение для детей», «Игрушечка»). В 1909 г. в журнале «Образование» вышла в свет ее автобиографическая повесть «Записки Анны», обратившая на себя внимание критики; в частности, на нее откликнулся Блок. Во многом смысл повести — в пересмотре общепринятых взглядов на половой вопрос: автор призывает отказаться от половой жизни ради напряженной внутренней работы по созиданию одухотворенной гармоничной личности. Героиня повести Анна среди окружающих ее «выродков» не может найти мужчину, который был бы ее достоин. Вообще воинствующее мужененавистничество, отрицание какого бы то ни было превосходства «сильного пола» над «слабым», неприятие брака, апология полового самоудовлетворения и тому подобные воззрения заставляли расценивать Санжарь как своего рода провозвестницу современного феминистского движения (см. примеч. 9, 14, приложения I и II).

Почти все ее произведения — «Заколдованная принцесса» (С.-Петербург 1911), «Книга о человеке» (Москва 1916), драма «По-своему» (Москва 1916) и др. — вы-

раженно автобиографичны. Героини Санжарь говорят языком, живо напоминающим ее эпистолярный. Из книги в книгу переносятся одни и те же монологи и ситуации. По-видимому, Санжарь была способна описывать лишь собственные переживания; во всяком случае, она не раз заявляла, что ее произведения — не литература, а жизненный документ, а она сама — лучшее художественное произведение. Ее сочинениям и письмам в равной мере свойственны дидактичность, напыщенность, экзальтированность, представление о человеке как о механизме, способном к самосовершенствованию и саморегулированию, а главное, навязчивый мотив отказа от половой жизни во имя победы «человека над зверем». Писательницей был задуман цикл книг о воспитании под общим названием «Челвед» (то есть человековедение): в качестве образца для подражания Санжарь предлагала себя (см. примеч. 31, 49 и 50).

Представление о перевоспитаемости человека, равно как и ненависть к интеллигенции и культуре сближали Санжарь с коммунистами. В 1920 г. в Киеве она вступила в ВКП(б) и вскоре переехала в Москву, где руководила работой ЛИТО вместе с Брюсовым, а затем с Серафимовичем. В 1922 г., оскорбившись тем, что соратники не желают воспринимать всерьез ее теории, Санжарь отказалась от партбилета. После 1923 г. почти не печаталась, состоя «при Месткоме писателей на положении „лит-приживалки“»³. В конце 1920-х годов она публиковалась под псевдонимами Мих. Авилов (*Подшефные коммуну № 5*, Москва — Ленинград 1929) и Н. Бриллиант («*Зеленые братья*», Москва 1929). Санжарь считала, что оказалась в опале из-за своей честности, принципиальности и неподкупности. Умерла она от рака груди в марте 1933 г.

А. А. Аксенова

1. А. С. Суворину⁴

2го Марта 1902 г.

Живя въ Петербургѣ, часто слышешь⁵ Вашу фамилію: «Суворинъ — умный, гуманный», «Суворинъ — отзывчивъ, добръ», «Суворинъ — дивной души человекъ»⁶ и много хорошихъ эпитетовъ прикладываютъ къ Вашему имени, но чтобы попасть къ Суворину, то говорятъ: «Это очень трудно, трудней какъ къ министру и нужно имѣть для этого — большое счастье или нахальство». Ну, конечно если за плечами хорошій аттестатъ въ видѣ богатства, знатности или популярности — тому легче, а чуть мелкота, ну и надѣйся — или на счастье, или стучи неутомимо въ дверь — авось и тебѣ когда небудь — отверзется; а то и вломись силой если нахальства хватить». У меня нитого, ни другого — не оказалось: стучала я, стучала въ дверь и не достучалась до Васъ и рѣшивъ: что такихъ какъ я — тысячи, а Суворинныхъ — единицы, а потому съ большимъ огорченіемъ удалась отъ Вашей двери. Причина по которой я хотѣла Васъ побезпокоить, до такой степени для меня важна, что я набравшись смѣлости, еще разъ

стучу къ Вамъ — письменно и прошу Васъ, урвите время на чтеніе приложеннаго при этомъ письма. Оно не праздное разглагольствованіе и не писанно, для того, чтобъ жалкими словами затронуть чувства связанныя съ «дивной душой» и «добрымъ сердцемъ».

Мнѣ этого отъ Васъ — не надо, но Ваша умудренная опытомъ жизнь, можетъ дать мнѣ совѣтъ, который поможетъ не только избраться изъ подъ того, что меня придавило, но можетъ и спасти отъ мучительной и медленной агоніи. За все мое существованіе я первый разъ здѣсь обратилась съ этимъ къ женщинѣ пишущей и стоящей во главѣ (такъ она думаетъ) если не филантропіи, то во всякомъ случаѣ, — очень полезныхъ дѣлъ; и что же она выслушавъ меня и узнавъ: что я бѣдная крестьянка росшая безъ семьи, среди голода, пьянства и разврата, не получившая ни какого школьнаго образованія и вдругъ осмѣливаюсь предъявлять <sic!> такія претензіи къ жизни, какихъ мнѣ по моему паспорту и рангу не полагается и съ жестокостію свойственной иногда и безсознательно «патриціямъ» поступила со мною такъ, какъ по ея мнѣнію и полагается поступить съ «плебейкой» ⁷.

Мое первое желаніе просить помощи и совѣта было неудачно. Я никогда никого не просила, а какъ могла боролась одна съ жизнью и людьми, терпѣливо переносила все и не навязывала другимъ свое горе, способности и твердая воля помогли мнѣ не погрязнуть въ томъ что меня окружало съ дѣтства, лишенія же и неудачи, какъ будто даже способствовали тому, что изъ меня вышелъ, кажется и не плохой человекъ. Обстоятельства и жизнь, такъ сложились теперь для меня, что другаго выхода, какъ къ *проотцамъ* для меня нѣтъ. Довольствоваться настоящимъ не могу, выбиться силъ не хватаетъ, умереть, но жаль, что во мнѣ протестуетъ противъ этого, говорить: «потерпи, ты еще можешь быть полезна».

Эта разладаца и необходимость совѣта заставляла меня иногда стучаться къ Вамъ, и теперь я пишу Вамъ мою жизнь, прочитайте, ради Христа, и посоветуйте мнѣ, укажите хотя маленькую тропинку и я пойду по ней, а остовать такъ, какъ теперь — я чувствую, что убью себя ⁸, несмотря на то что физически и умственно — я здоровый человекъ.

Я дѣвушка и мнѣ 26 лѣтъ ⁹.

Говорять: что у Васъ нѣтъ времени, чтобы читать всѣ получаемыя Вами письма, а потому я и не увѣрена, что у Васъ найдется время, для чтенія моего длиннаго письма, и запечатала его отдѣльно и прошу очень Васъ не будете имѣть возможности прочитать, то не бросайте, а

отдайте прислугѣ, а я найду и возьму его обратно. Для меня это не простое письмо, а моя трудная, но славная жизнь и я предпочту получить ее не читанную обратно, чѣмъ брошенную за не возможностью прочесть.

А. А. Суворину <sic!>.

Рожденная внѣ брака ¹⁰ я не была брошена въ пріютъ, а мои родители пожелали дать мнѣ имя и найдя бездѣтную чету согласившуюся за деньги взять меня и окрестить, какъ свою дочь, рѣшили что лучше если у меня будетъ хотя какое небудь имя и на томъ видно и успокоились. Плохо же пристроили меня, мои чадолюбивыя родители. Деньги данныя за мною принесли несчастье, тѣмъ кто ихъ взялъ т<акъ> к<акъ> не видя лишней копѣйки и получивъ большую для нихъ сумму, они потерялись, стали гулять, и дотога трудолюбивыя и трезвыя, разбаловались стали оба пить и въ результате мой пріемный отецъ пьяный утонулъ ¹¹, а я осталась на рукахъ у женщины, ненавидящей меня всѣми силами ея грубой души за то, что я и деньги были причиной ихъ извращенія и несчастья. Оставшись безъ мужа и вкусивъ прелесть разгульной жизни моя пріемная мать отбившись отъ труда падала все ниже и ниже. Какъ только стала я помнить себя, то кромѣ голода и побоевъ ничего хорошаго не помню. Вспоминая теперь вижу, что всѣ старанія моей матери сводились къ тому, чтобы я умерла и развязала ей руки ¹².

Она голодомъ морила меня и чего я только не видѣла и не перенесла и если осталась жива, то какъ какоето чудо. Какъ она была меня, но странное я было дитя — никакия побои не могли меня заставить плакать и это приводило ея въ остервененіе, но довольно; Вамъ понятно, на что можетъ быть способна грубая, безразвратная, пьяная женщина и какія картины бѣдности, пьянства и разврата мнѣ приходилось видѣть. Такъ продолжалось до 9 лѣтъ и однажды избитая я была выгнана на улицу просить милостыню и дѣйствительно мой измученный видъ могъ собрать мнѣ денегъ, но я скорѣй умерла бы а руки не протянула. Пошла искать себѣ мѣста и мнѣ удалось умолить хозяина одной булочной (это было въ Харьковѣ) и меня приняли ¹³. И вотъ я мою полы, бѣгаю на посылкахъ и наконецъ получаю жалованье сначала 1 руб. а потомъ и гораздо больше получала. Пища и отсутствіе побоевъ поправили меня, деньги мои мать всѣ забрала.

Одна продавщица купила мнѣ азбуку и научила читать и писать. Способности у меня были удивительныя, а жажда знанія была такая

сильная, что ни какая усталость не мѣшала мнѣ учиться ночью и часто при свѣтѣ уличнаго фаноря, днемъ нельзя было — некогда.

Здѣсь я многому научилась и насмотрѣлась. Въ 15 лѣтъ я выглядѣла хорошо и старше и тутъ-то началось самое ужасное — меня замѣтили мужчины. Хозяинъ магазина держалъ красивыхъ дѣвушекъ платилъ мало, но предоставлялъ полную свободу во флиртѣ съ посѣтителями. И та которая больше другихъ привлекала, та пользовалась большимъ вниманіемъ хозяина и жалованьемъ, а потому старанія этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ сводились къ тому, что они въ соревнованіи не останавливались ни предъ чѣмъ. Еслибъ наше общество моглобы взглянуть въ эту жизнь полную нужды, горя, молодости и насилія, то можетъ ни однабы рука остановилась и не швырнула камнемъ въ этихъ бѣдныхъ созданій. Мною хозяинъ очень дорожилъ, какъ трудолюбивой и честной, а потому я не циремонилась и часто подарки и деньги летѣли въ фізіономіи тѣмъ, кто дерзнулъ мнѣ ихъ предложить¹⁴. Упорное преслѣдованіе одного богатого звѣря¹⁵ вынудило меня оставить мѣсто. Мать узнавъ причину моего отхода пожурила, что я отказалась отъ своего счастья, но утѣшила меня тѣмъ, что сказала: «у тебя такая фигура, что ты всегда можешь себя хорошо устроить». И вотъ началась опять голодовка и поиски мѣста. Часто придя домой послѣ безплодныхъ поисковъ встрѣчала брань и не хорош<i>е</i> совѣты матери. Однажды измученная, голодная я рано легла спать. Свѣтъ въ лицо разбудилъ меня смотрю: стоитъ надо мной мать и держетъ лампу а возлѣ нея стоитъ какой то военный; мать говоритъ мнѣ: «вотъ нашъ благодѣтель далъ мнѣ денегъ и еще обѣщаль дать и ты поласковой преими, его», и ушла заперевъ за собою дверь. Запахъ вина, лицо съ налитыми кровью глазами, отвратительное лицо склоненное ко мнѣ, заставило меня опомниться. Поймите мой ужасъ — мать продала меня. Ужасъ предалъ мнѣ силы, я отчаянно защищалась и борьба съ пьянымъ животнымъ окончилась в мою пользу, мнѣ удалось вырваться и выпригнуть <sic!> въ окно¹⁶. Прижокъ <sic!> сначала оглушилъ меня но я скоро пришла въ себя и добѣжавъ къ рѣкѣ съ отчаянія бросилась въ нея. Люди видѣли, какъ я бросилась, вытащили, откачали и я опомнилась въ больницѣ съ мысл<ь>ю, что опять нужно жить, опять бороться¹⁷. Уѣхать отъ матери стало моею задачею, нашла мѣсто въ отъѣздѣ и уѣхала въ Кіевъ. Много горя вкусила я тамъ, мои хозяева зная, что мнѣ не ккому обратится за защитой не циремонились со мною и я все терпѣла, пока не со всѣмъ чистое вниманіе со стороны главы семьи, не заставило меня искать новаго мѣста. Въ Кіевѣ про-

жито 9 лѣтъ. Я была горничной, няней, модисткой, бонной, компаніонкой и воспитательницей, да еще очень хорошей; послѣднее мое мѣсто было въ очень богатой семьѣ Терещенко куда меня рекомендовали какъ опытную для исправленія избалованной маленькой будущей миліонерши¹⁸. Потомъ служила въ канцеляріи. Я жила почти во всѣхъ слояхъ общества и моя чуткая наблюдательность нашла тамъ много пищи. Чего только я не видела и сколько обидъ и горя не перенесла, но они не сломили меня, а на оборотъ были моею школою и закалили меня. Я думаю, чт<о> я изъ тѣхъ натуръ для которыхъ нужна имѣнно, такая школа и жизнь не поскупилась на это, жестоко и безостановочно учила меня. Я не вѣрю что нѣтъ хорошихъ людей, но на мою бѣду мнѣ попадались жестокіе недобрыйя люди. Я всегда была одна, никто, никогда не пожалѣлъ, не научилъ, не приласкалъ меня. И какъ часто обиженная одинокая сижу я ночью на кровати, сожму голову руками, грудь готова разорваться отъ горя и обиды, а плакать — немогу. И сколько разъ я молила Бога, чтобы хотя во снѣ увидить родную мать и чтобы она подошла бы ко мнѣ ласково погладила бы мою голову и сказала бы мнѣ: «терпи, мужайся, моя бѣдная дѣтка», и Господи чего бы только я не сдѣлала чтобы услышать ласковый голосъ, найти руку приласкавшую меня. Но мольбы были напрасны голоса ласкового я не встрѣчала, а руки хотя и протягивались ко мнѣ, то только затѣмъ или взять отъ меня, что только можно, или обидить.

Нѣсколько разъ я моглабы промѣнять мое званіе крестьянки, на превосходительство и быть богатой, мнѣ везло на жениховъ вдовцевъ генераловъ¹⁹, но я видела, что имъ до моего внутренняго содержанія небыло никакого дѣла, а просто имъ нравилось мое тѣло, которое возбуждало у нихъ желаніе²⁰, ради котораго много дѣлается глупостей на свѣтѣ; они были мнѣ не симпатичны и безъ чего я брака не признаю. У меня большія художественныя способности и музыкальность но къ моему еще большому огорченію я не могла ихъ развивать.

Надѣлили меня мои родители талантами и своими лучшими качествами, а вотъ не дали того, что заставило ихъ бросить и никогда не вспомнить обо мнѣ, дай они этого капельку, навѣрно бы мнѣ лучше жилось на свѣтѣ. Послѣднее мое мѣсто было в Кіевской Тюремной Инспекціи, гдѣ мой начальникъ по столу воспылалъ ко мнѣ чувствомъ и предложилъ руку и сердце. Думала я, думала и рѣшила выйдти за него, чтобы имѣть дѣтей и не чувствовать себя сиротой и имѣть что небудь свое, родное. Но онъ свадьбу отложилъ до перехода въ Петербур<гъ> куда былъ назначенъ. И вотъ я пріѣхала въ Питеръ; но

мой женихъ оказался подлѣ — вмѣсто брака онъ мнѣ предложилъ связь безъ него ²¹. Зная что я назадъ не поѣду и здѣсь — ни мѣста, ни денегъ и я соглашусь. Но онъ ошибся въ расчетѣ, я прогнала его и не пропала, а живу.

Найти мѣста мнѣ не удалось безъ протекціи и не имѣя никакого свидѣтельства объ окончаніи учебнаго заведенія. Не буду Васъ утомлять перепитіями моихъ неудачъ здѣсь, скажу одно я работаю дома платя, цвѣты, шляпы и съ этого живу и еще уплочиваю долгъ моему бывшему жениху ²². Но такая жизнь не удовлетворяетъ меня. Я все время работаю, что бы на это существовать и читать не могу безъ ущерба матеріальнаго, знакомыхъ нѣтъ, одиночество заѣдаетъ меня. Характеръ у меня живой, умъ требуетъ пищи, 26 лѣтъ берутъ свое. Какъ бы мнѣ хотѣлось послушать, что говорятъ люди умнѣй меня, почитать хорошую книгу, послушать музыку, пьесу, и ничего подобнаго только трудъ, трудъ, да одиночество доводящее до одуренія. Немогу я жить только для того, чтобы ѣсть, а все время работаю только, чтобы не умереть съ голоду и мнѣ кажется лучше смерть, чѣмъ это безцѣльное и мучительное прозябанье изо-дня въ день. Невозможность выбиться т<o> е<сть> жить такъ, чтобы и трудиться ради насущнаго и развиваться, питаться умственно, привело меня къ тому, что я чуть, чуть не повѣсилась, случайно мнѣ помѣшали. Много слышала объ Васъ хорошаго и такъ мнѣ захотѣлось пойти къ Вамъ по-просить совѣта, но мнѣ не удалось. У меня хорошая память, пытливый умъ, чуткая наблюдательность, жажда знанія и разумной дѣятельности и мнѣ кажется, что я моглабы дѣлать что небудь и лучше того, что дѣлаю теперь. Мнѣ кажется, что если бъ мнѣ дать возможность поучиться, почитать, понаблюдать, то я бы не дурно писала. Недумайте, что это ошибочное самомнѣніе мнѣ кажется, нѣтъ. У меня такой большой матеріаль прошлая жизнь, да если ея соединить съ тѣмъ, что я еще могу видеть и знать, то изъ этого моглабы выйти ни одна смѣшная, груст<n>ая или назидательная исторія. Творчество у меня есть, это я сужу по тому, что у меня иногда бываетъ такой приливъ мысли, фантазіи, остроумія и юмора, что я моглабы создать что небудь не плохое, конечно при надлежащей подгатовки. Вѣдь учиться-то мнѣ не было времени за борьбой за существованіе, но и то мнѣ приходилось утерять носы такимъ людямъ, что если имъ бы сказать какой ничтожный всравненіи съ ними по образованію ихъ противникъ (я) то они бы рты раззинули отъ удивленія. Право меня считали очень умной, начитанной, развитой, но я знаю только то, что я еще ничего незнаю ²³.

И мнѣ до такой степени хочется еще знать, трудиться но не шить тряпки и съ этого жить. Не могу я такъ жить, это таже могила, нѣтъ хуже, в могилѣ нѣтъ желаній, а здѣсь — еслибъ Вы знали сколько желаній «не воздушные замки», нѣтъ, а хорошихъ, здравомыслящихъ, полезныхъ и пріятныхъ. И какая мука сидѣть въ ямѣ знать, что не выберешся одна изъ нея. Можетъ я заблуждаюсь относительно моихъ литературныхъ способностей, но втомъ что я могу быть болѣе полезна чѣмъ шить платья и желать избавленія отъ этого въ видѣ смерти, то я въ этомъ глубоко убеждена и увѣрена, что тотъ, кто выгащеть меня изъ ямы непожалѣеть объ томъ, а потому прошу Васъ посовѣтуйте мнѣ какъ и куда мнѣ крикнуть, что бы помогли мнѣ выбратъ изъ ямы. Я очень люблю трудъ и всегда и вездѣ буду полезна, а потому повѣрьте мнѣ не зная меня, я не обману Васъ, порекомендуйте меня куда небудь, чтобъ я могла и работать на жизнь и чтобы оставалось время и для другаго.

Не привыкла я и не умѣю просить, я всегда предпочитала сама одна, какъ съумѣю устраивать свою жизнь, но теперъ здѣсь, не знаю силъ ли не хватаетъ, но я чувствую что нужна мнѣ помощь чья небудь или я пропаду. Если найдете возможнымъ отвѣтить мнѣ и сказать, куда мнѣ обратиться, то потрудитесь пожалуйста а я зайду за отвѣтомъ.

Извините за безпокойство.

Надежда Санжаръ ²⁴.

2. Вяч. И. Иванову ²⁵

5го Ноября 1907 г.

Дорогой Вячеславъ Ивановичъ, Вы чуткій и навѣрно поймете, что если я безпокою Васъ *теперъ*, значить для этого есть какія-то особыя, исключительныя причины, а не обычная у насъ людей душевная недилекатность.

Мнѣ хочется оторвать Васъ немного отъ *Вашего горя* ²⁶ — я говорю о личномъ, а другое большое, глубокое, сильное горе, я считаю также и моимъ. Я слишкомъ поняла, почувствовала, *нашла родное* въ «Трогическомъ Звѣринцѣ», много *моего* связала съ авторомъ «Звѣринца» ²⁷ и его поспѣшный, неожиданный уходъ меня не вырзимо опечалилъ.

Но Лидія Дмитріевна *свое сдѣлала*, намъ остается дѣлать *наше*. Вотъ почему я сейчасъ врѣзываюсь въ Ваше *личное горе* съ моимъ, как увидите, *далеко не личнымъ*.

Как-бы Вамъ сейчасъ было не тяжело *напомяніе*, Вы поборите себя и отнеситесь со вниманіемъ къ моему письму — оно этого стоитъ.

Я Вамъ говорила, какъ я, росшая безъ тепла, свѣта, материнской ласки, настрадавшая среди людей, не понятая, гонимая, не любимая — половое вниманіе распущенныхъ зверей, я не считаю той любовью, которою просило мое забитое сердце. А сердце у меня большое, глубокое и бесконечно доброе. Страданія не только не озлобили меня, а на оборотъ только развили мои душевные и духовные запросы, научили смирять гордыню. <sic!> и не быть рабомъ своихъ страстей.

А их у меня много и страсти мои необычайно сильныя. Но я научилась быть вполнѣ ихъ хозяиномъ. Вот почему, имѣя пылкую, страстную натуру, не найдя по душѣ мужчины, я душила въ себѣ рано проснувшіяся инстинкты материнства: я искала *совершенный типъ* — ну, а красивые усы и «галантерейное обхожденіе»²⁸ не могут заставить мою голову закружиться.

Въ это лѣто я пережила послѣдніе сраженіе съ моей физиологіей, пережила еще одно горькое, горькое разочарованіе и надъ *моимъ материнствомъ* поставила окончательно крестъ!²⁹

Я рѣшила отдать мои силы, душу, страсть, весь запасъ моей материнской теплоты другимъ, уже рожденнымъ дѣтямъ. Я безгранично люблю, жалѣю людей, мое сердце способно взять чужихъ дѣтей, не имѣющихъ матери, и дать имъ — *дѣйствительно мать*³⁰.

Я очень хорошо знаю всѣ недостатки, нелѣпость нашей жизни — боками заплатила за эти знанія; знаю хорошо дѣтскій міръ: пятнадцать лѣтъ моей жизни я отдала на воспитаніе дѣтей другихъ матерей; я знаю весь ужасъ положенія у насъ дѣтей; знаю что надо дѣлать чтобы изъ нихъ выходили ни калѣки, ни жалкіе, подленькіе полулюди, а дѣйствительно люди.

Я рѣшила создать школу — людей или вѣрнѣй мастерскую, гдѣ будут изготовляться смѣлые, здоровые, свободные и знающіе *все* люди³¹. Никакихъ повязокъ у них не будет ни на глазах, ни на душѣ, ни на совѣсти.

Я буду брать своихъ дѣтей только изъ сиротъ, чтобы никто не имѣлъ права вмѣшиваться и мѣшать моимъ задачамъ. Для этого мнѣ надо, конечно, деньги — безъ этихъ, кровяныхъ шариковъ, всякія начинанія — мертвая точка.

Я имѣю возможность деньги добывать: кажется у меня дѣйствительно не дурной и оригинальный литературный талантъ: мои послѣдніе работы краснорѣчиво объ этомъ говорят.

За лѣто я много сдѣлала: я набросала одну вещь, которая еще не в разработанномъ видѣ производит сильное впечатленіе своей оригинальностью, дерзостью и духовной красотой³². Эта вещь должна мнѣ дать много. Мнѣ надо не медля отдѣлывать ее — вѣдь меня гдѣ-то ждут обездоленные сиротки, мои руки тянутся скорѣй ихъ пригрѣть, утереть имъ слезы и попутно запачканные носики — словомъ дать имъ то, чего я въ дѣтствѣ никогда не знала.

Мои работы тормозят, моя, присущая самоучкамъ, наивность и часто незнаніе самыхъ простыхъ вещей. Мнѣ надо людей, которыхъ бы мои стремленія интересовали и они хотѣли-бы въ моихъ работахъ помочь мнѣ разбираться. Такихъ людей у меня нѣтъ. Мой единственный другъ³³ не можетъ быть мнѣ в литературѣ полезнымъ: мои вещи сильно дѣйствуютъ на него его потрясаетъ содержаніе гдѣ много моего пережитого и это мѣшаетъ ему быть безпристрастнымъ и судить непосредственно.

Изъ цѣлаго круга людей Вы кажитесь мнѣ особенно симпатичны и компетентны — ах, какого я друга *моей идеи* потеряла въ лицѣ Лидіи Дмитріевны! — мнѣ очень хочется просить Васъ станьте другомъ моему стремленію и за себя и за «ушедшаго» отъ насъ Вашего друга.

Вы мнѣ можете много дать, можете помочь скорѣе двигаться къ цѣли, для этого нужны только Ваши совѣты, дружеское отношеніе и больше ничего — правда, это очень, очень много.

Словомъ, дорогой Вячеславъ Ивановичъ, удѣлите немного времени для дружбы со мной — ей-Богу, кромѣ Васъ я ни кого не вижу, кому-бы могла довѣрить все, чѣмъ я живу³⁴.

Не могу удержаться чтобы не сказать Вамъ потихоньку на ухо: мнѣ такъ-бы хотѣлось познакомиться ближе съ дѣтьми автора «Звѣринца» и, понимаете, осторожно, незамѣтно *приласкать*, так чтобы они не знали что я ласкаю ихъ за *ушедшую маму*.

Простите, это можетъ быть жестоко, не дилекатно, но, пожалуйста, простите: мнѣ это продиктовало мое сердце.

Остаюсь в надеждѣ, что мои гдѣ-то ждущія меня *мои дѣтшишки*, вызовутъ у Васъ желаніе *ихъ мамѣ* помочь и Вы извините что я врѣзалась съ ними в Ваше горе: мнѣ надо не терять время и дѣлать *свое*, а то мое прошлое начинаетъ уже предъявлять безпощадные векселя на мое здоровье, силы и нервы.

Сейчасъ мнѣ недостаетъ Вашихъ совѣтовъ. Пересильте Ваше горе и дайте, дайте мне ихъ.

Надежда Санжарь (Бриліантъ)

3. А. А. Блоку³⁵Москва, 27го Янв. 1910.

Я Вамъ отвѣчу, дорогой Александръ Александровичъ, так, как Вамъ письмо заслуживаетъ — мнѣ только что переслали его сюда.

Конечно, я Вамъ вѣрю, Васъ чувствую и хочу что-бы и Вы меня почувствовали до конца. Да, я не сумѣла выразить «несказанное»³⁶ въ концѣ «Анны»³⁷. Я его намекнула только теперь, въ моей только что оконченной «Заколдованной принцессѣ» — увидите какая это у меня вышла милая, милая вещь. Не боюсь этого говорить т<акъ> к<акъ> знаю, что в настоящемъ я рѣдко ошибалась — «Принцесса» у меня, дѣйствительно, настоящая.

Вы боитесь за меня — меня это очень трогает. Только как-же Вы не прослѣдили источникъ моей чувствительности, как не увидѣли что все это идет отъ моей «дѣтскости»: не изжитый, не проявленный ребенокъ во мнѣ мечется, лепечетъ. А малыши рѣдко говорятъ «звѣзды», у них вездѣ «звѣздочки».

И не страшна мнѣ эта чувствительность, чѣм больше я ее проявлю, чѣм шире изживу — тѣмъ лучше. А в «большіе» я, пожалуй, никогда не вырасту. Да и не надо. Всякіе бываютъ люди, пусть я буду такой, пусть до самой могилы сидит во мнѣ и мечется «пищитъ» дитя.

И жалостлива я все от того-же. И совсѣмъ немедлю: «бриліантъ»³⁸ у меня уже есть, найти его мнѣ помогла «Анна», этотъ страшный камень, который я сбросила съ моей души. Теперь я чувствую все больше и больше становлюсь «собой» и «заколдованность» моя должна непримѣнно кончиться.

Когда будете читать «Принцессу» поймете о чемъ я говорю и скажите какой цѣны мой «бриліантъ».

Я, правда, истерзанна в клочья, я много разъ падала отчаявшаяся <sic!>, проклиная тѣх кто меня толкнулъ или помогъ такъ почти предсмертно расплостаться и каждый разъ я подымалась болѣе сильная и цѣльная. Во мнѣ сидитъ чудесное свойство Антея, в этомъ я все больше и больше убѣждаюсь.

Мнѣ нужны паденія и муки, в этомъ моя сила, мощь и жизнь. И нѣтъ у меня уже ненависти и отвращенія къ людямъ и жизни ихъ. Я такъ перемучилась, что стала надъ всѣмъ. Нѣтъ у меня больше негодованія, мнѣ все улыбаться хочется.

Помогли мнѣ разобраться не книги и умныя люди, а природа. Я поняла что в жизни и натурахъ людей, как и в природѣ, перемѣшанно хорошее с дурнымъ, разумное съ нелѣпымъ, прекрасное съ чудовищ-

нымъ; созидающее с разрушающимъ, великое с мелкимъ, презрѣнное с божественнымъ. Въ этой мѣшанинѣ, кажется, ничто не пропадает. Мы часто видимъ какая гнусность выходит изъ прекраснаго и как явная нелѣпость создаетъ, в концѣ-концев, чудо.

Я принимаю это не как богачъ живущій «на проценты съ капитала», а как страстный творецъ: мнѣ хочется создать *мое* изъ этой «мѣшанины». Я хочу создать *мою девятую симфонію* и если для этого надо ослѣпнуть — я не дрогнувъ подставлю мои глаза: нате, слѣпите! ³⁹

Итак, мнѣ кажется, мнѣ не страшно разрушеніе и не боюсь я тлѣнія: во мнѣ сидитъ сознание, *что я никогда не умру*. Я люблю смерть, она мнѣ кажется разумной и содержательной как жизнь. И только человѣческая ограниченность, самомнѣніе, трусость могли окружить мудрую смерть тѣмъ чѣмъ она у насъ окружена.

Я люблю кладбище, магилки — не магили, а магилки...

Я начала писать о смерти т<акъ> к<акъ> я ее толкую и понимаю.

<Кс>тати меня совсѣмъ не занимаетъ какой ярлыкъ надо пришилить къ моимъ работамъ. Мнѣ кажется, что главное *въ силѣ*, есть она — хорошо. А какъ себя проявляетъ, это уже второе — сила вездѣ сила.

Мнѣ кажется, что у меня эта-то «главная сила» и есть. Благодаря ей я выжила, вышла в люди и думаю она будет со мной пока я жива. А потомъ мы с ней рѣшили прямо в кукушку ⁴⁰. Люблю я эту птицу, и такъ хорошо сидишь себѣ на зеленой вѣткѣ и кукукаешь. Ужъ если я чего захочу — такъ и будет. Аминь.

Теперь о Васѣ. Меня очень трогаетъ Ваша улыбка, в ней есть что-то мнѣ близкое, совсѣмъ дѣтское. Постарайтесь чтобы она долго, долго жила в Васѣ. Защищайте ее, не отдавайте на смерть, раньше смерти «совсѣмъ».

Отчего Вы не хотѣли познакомиться со мной по настоящему, не пришли когда я Васѣ просила: я хотѣла сказать Вамъ что-то чего люди, къ сожалѣнію, другъ другу не говорятъ. Это не критика, совсѣмъ другое.

Вы были очень заняты или не хотѣли?

Я рѣшила что Вы не пришли ко мнѣ потому что я женщина... а если послушать что иногда обо мнѣ говорятъ, то... Сознаюсь, я много среди людей чудила и серьезно, сознательно и еще не уgomилась, буду чудить.

Я очень люблю людей, самое удивительное в природѣ все таки человѣкъ: смотришь и не знаешь что изъ него в слѣдующую минуту выскочитъ — звѣрь или богъ.

Буду рада если Вам еще когда захочется мнѣ написать.

Я сбѣжала изъ Петербурга, давилъ онѣ меня очень и как-то нехорошо я себя в немѣ чувствую, одиноко.

Вот если-бы Вы еще чего-нибудь написали о себѣ. Напишите, я буду ждать. А вѣдь я за Васѣ «испугалась» давно, а Вы не знали...

Будьте настоящимъ.

Ваша Н. Санжарь.

Москва, Кудринская ул. 25, кв. 13

4. А. С. Серафимовичу ⁴¹

Москва, 18-III-26 г. ⁴²

Александр Серафимович, возвращаю Вам Ваше ко мне братское и товарищеское, <так> <как> не уверена сознательно Вы мне все это дали или со слепу. Если сознательно, спасибо, брат, если со слепу — возвращаю то, что мне не принадлежит ⁴³. И открыть Вам глаза на Санжарь, рядом с теми, кто Вам их открывает, я также считаю моим человеческим долгом.

Я так навязчиво читала Вам мою «пьесу» не зря. Я даже рада была, что Вы задыхались, что Вы с трудом дослушали до конца. Так Вам и надо! Пусть Вам это послужит хорошей памяткой: никогда не советуйте писателю отказываться от своих тем, от своего языка, от своей писательской сути. Вы советывали мне уйти в псевдоним ⁴⁴, не учитывая, что у меня писательская организация, писательская мастерская не такая, как у Чехова или как у ныне живущаго Алек<сея> Толстого. Толстой, что видит, что хочет знать, то и знает, тем и орудует, а чего не видит, чего не хочет — того и не знает, там у него, как у младенца безграмотного кругом свистит и за душой ни зги. Чехов тоже, что разрешал себе видеть, то и давал нам ⁴⁵, а где побрел за стариком Сувориным, там у него остались человечьи надрывы и надежды на то, что будет через триста лет ⁴⁶. Я люблю Чехова, на нем учусь экономии в фразе. У Чехова и Толстого (Алексея) — жизнь лаборатория, а они только искусно рассказывают и показывают — вот, пожалуйста! У меня все другое: я все в себя втаскиваю, все внутри у меня переваривается, все из нутра у меня прет, все тесно, кровно с нутром моим связано. Тут два рода дарований, это наглядно можно видеть на Сарре Бернар и Елеоноре Дузе, на Савиной и Комиссаржевской ⁴⁷. Первые блестяще играют и вызвав у зрителей и потрясе-

ние и слезы, сами при этом не очень-то расточаются ни в нервах, ни в крови ⁴⁸ — они только актеры, они только играют. А Елеонору Дузе и Комиссаржевскую после спектакля водой отливали: у них в игре трепетя, исживается все нутро, весь художественный организм. Мой писательский организм родственен последним, т<o> е<сть> Дузе и Комиссаржевской.

И когда Вы говорили мне спрячься в псевдоним, я знала, что это ни к чему. Писать, как Чехов и Толстой я никогда не смогу (не тот организм) и оторвавшись от себя, от моего нутра, от моих выношенных тем — я буду выхолощенная, пустая. Больше. Несмотря на 50 лет, я еще вся в процессе роста. Мои темы еще развиваются, я вижу, как каждый день разворачиваются новые и новые листики. Я вся там, на что ухнула всю мою жизнь, т<o> е<сть> в «Челвед» ⁴⁹ (в практическом, экспериментальном изучении человека, в новом, не буржуазном вольном человековедении — см. наши «Летописи человековедов», откуда взят материал на XII книгу ⁵⁰ и о I книге вот уже три года идет нелепейшая борьба) ⁵¹, я вся в «Человечьей ремонтне», в П. К. (Пролетарский Карантин) ⁵², я вся в скуфах (солдат культурного фронта), я вся в «Монтере человеческих машин». Тут нет сочинения, вымысла: тут все тесно связано с живой жизнью, с искусством в живой жизни — см. как в нашей «Ремонтне» играют нужного сейчас человека, в том числе и коммуниста. Мы говорим: если ты не родился с нервом коммуниста, как Маркс и Ленин ⁵³, если семья, среда, школа не завили в тебе коммуниста — откуда мы их сейчас возьмем? а прорабатывая новое, коммунистическое коммунисты яркие, живые, убедительные нужны нам до зарезу, — тогда мы говорим: играй нужного сейчас человека, воплощай его в жизни и также ярко, убедительно, как хороший актер на превосходной сцене. Не бойся, что сначала коммунист у тебя будет слабый, нерешительный, с перебоями — ведь в первые мы можем практически за него взяться, — но ты люби эту идею, эту роль — живого коммуниста и играешься, начнешь с этой ролью сживать, тут у тебя создадутся привычки, они окажут воздействие на всю твою по вчерашнему завинченную натуру, тут ты сознательно собственноручно будешь сдерать с себя вчерашнего, буржуазного человека и завинчивать себя на человека наших дней. Маркс сказал: переделывая мир пролетариат должен переделать и себя ⁵⁴. Верно! Переделывайся! Не жди, чтобы Наркомпрос тобой занялся, а в помощь нашей республики, обработай себя и сам, и своей рукой. Вот тебе правила, вот тренажи, вот инструкции на все случаи

жизни. Работай над собой. Показывайся, что у тебя выходит, смотри, учитывай, что у нас вышло. Вот, Александр Серафимович, моя тема. Тут я, как писатель, хочу показать, как вчера, само собой, стихийно возникла эта тема (играть нужного, настоящего, живого человека, если он в жизни, у людей перевелся, выродился, исчез), возникла у прислуги, дочери столяра и кухарки ⁵⁵ (у меня возникла) и как она всю жизнь над этой темой провозилась (я провозилась, хотя говорю об этом не от своего лица), какая тут развернулась мастерская по очеловечиванию людей, сколько народу в нее втянулось, какие тут завертелись и горячие сердца и страшная сила денег, как работали над собой, над другими, как сдерали с себя вчерашника ⁵⁶, как в'игрались, обработали в себе и в других сегодняшника ⁵⁷, и какого коммуниста дал Октябрю наш «наигранный» человек, человек собственноручно обработанный, иначе, не по буржуазному завинченный, и как опять сложилась уже «человечья ремонтня», и что проделало П. К. и какой опыт в проработку нового человека вносит наша работа «мантеров человеческих машин» — вот мои темы, моя в жизни работа, моя вся жизнь ⁵⁸. Что же тут плохого? Человека муштруем, дрессируем, выверяем его машину (тело), его «маторную энергию» (психику), открываем в живой практике такие «Америки», добиваемся таких достижений, из которых ясно: до чего умышленно, живо, тенденциозно освещают человека буржуазные науки и искусства. Ясно: у буржуа знают человека, как владыки знают своих рабов, как хищники — своих жертв. Ясно: беря курс на новое, да еще такое новое, сложное, как социализм, эти науки очень даже надо пересмотреть, т<ак> к<ак> они складывались не в интересах социализма. И тут мы, дети столяров и кухарок, в вечной самоучебе ⁵⁹, лишенные вчера школ, но с этим и не имеющие всех прививок, всех гипнозов школ буржуазных, мы, по щелям, в вечной контробанде, но с вольными не обмороченными глазами, пусть не ведающие о научных дисциплинах, но в живой практике, но непосредственно на боках, вот как мы о человеке мучались, вот как о нем подумали, вот как над ним работали и вот что получилось. И вот какого коммуниста дал Октябрю наш такой человек.

Что же в этом плохого? Ведь тут надо быть таким проклятым вчерашником, таким самодуром, такой смехотворной «комвороной» ⁶⁰, как ваш Воронский ⁶¹ (не считаем мы его нашим, т<ак> к<ак> он держится с нами как тупой, дикий враг), надо быть таким высокомерным верхоглядом, как ваш Луначарский ⁶² (не считаем мы его нашим, т<ак> к<ак> он держится с нами, как поразительная «комспесь», как

дикий враг) и надо быть такими со слепу, с дуру загнипнотезированными, как были «воронщиной» загнипнотезированные Фурманов ⁶³, Накоряков ⁶⁴, Николаев ⁶⁵, Березовский ⁶⁶, Ашмарин ⁶⁷ и т. д. и т. д., для того, чтобы три года устраивать нашему вольному, пролетарскому «Челвед» ту дикую оппозицию, какую они устраивали.

Вот у меня есть бумажка от агитпропа Ц. К. партии, где Ингулов ⁶⁸ пишет, что книга Санжарь любопытна (о работе П. К. я в ней говорю и о мастерской по обработке нового человека), пишет, что книгу в Прессбюро просмотрели внимательно (еще-бы, в эксперты призвали и мозги тогда еще не забракованного Троцкого, в Июне 1923 г. это дело было, и весь агитпроп с Женотделом<>); по рукам ходила моя рукопись, Смидович ⁶⁹ с Лобовой ⁷⁰ (покойной Биней) призвали меня и очень милостиво со мной разговаривали и несмотря на то, что я в рукописи наговорила много смелой, резкой, сознательной правды по адресу «чиновников Р. К. П.», рукопись к печати пропустили, направили к Воронскому печатать, говоря, что «Санжарь идеологически стоит ближе к нам, чем многие кого он (Воронский) печатает» (см. эту бумажку, она у меня) ⁷¹.

Вот эта-то приписка Ингулова (тогда главного редактора Прессбюро), где он, как напостовец, послал Воронскому очередного скорпиона и подлила масла в тот огонь, чем была полна моя рукопись сегодняшника, невыносимая для такого вчерашника, как Воронский. Создался дикий прецедент: агитпроп Ц. К. работу пропускает, а Воронский говорит: «а я этой работы печатать не буду».

Разбились на два стана: одни говорят моему материалу «живи», а другие, загнипнотезированные «воронщиной», говорят: пока мы власть над книгой, никакого «Челвед», никакого П. К., никакой «Ремонтни», ни какой Санжарь в печати не будет.

Конечно, как сознательная пролетарка, внесшая и мой вклад в Октябрь, я с полным правом и моей глотки, давай мылить шеи моей нелепой оппозиции: — да вы с'ума посходили! Да что-же плохого в том что мы и коммунизм и человека нового прорабатываем и в жизни и в книге?

Пошло борение двух станов: люди не видившие Санжарь в глаза (Фурманов, Николаев и т. д.<.>) шельмуют, топят ее, как психопатку ⁷² и бездарность — загнипнотезированные! Одни топят, другие вытаскивают, делятся с голодающей Санжарь последними братскими рублями. А две готовые книги лежат без движения, мертвые: паны дерутся, а у нас и чубы и книги, и жизнь трещат...

Хотела эту «комчертовщину» вскрыть в профсоюзе ⁷³ — стан Воронского не допустил до этого. Изложила всю эту дикость в Ц. К. К.: там в книге моей и в идее нового, советского «Челвед» ничего не нашли зазорного и направили опять в ГИЗ печататься. Там опять книгу провалили: ясно, если печатать, значит, сознаться что топили, шельмовали Санжарь совершенно зря. А т<ак> к<ак> в такой дикости замешанны большие «комцацы» и «комвельможи» и выйдет, что тут они будут сами себя сечь ⁷⁴, то ясно, что тут надо спасать «своих человечков» ⁷⁵, и после довольно долгого борения, стан Воронского осилил и Ц. К. К. и Санжарь с ее материалами опять очутилась в «самнительных», во «врагах» и т. д. Тут я уже мылила шею Ц. К. К. доказывая, как они извращают идею Ц. К. К., как они не любят Ленина (что это за любовь, которая только на языке, а в жизни зазнавшиеся дикари с билетами В. К. П. творят черт знает что, а Ц. К. К. им поддакивает, превращая революционную законность только для стрелочников и охраняя от нее своих любимцев — стыд и срам!).

Тут я высказала цекистам все о чем им не говорят члены партии и чем поддерживают все безобразия. Каждый народ имеет такое провидительство, такую власть, какую он любит, терпит, поощряет, а с этим и заслуживает ⁷⁶. Если мы имеем всех этих «комдикарей», которые диктаторствуют и над партией, и над пролетариатом, и над всей страной, и над каждым из нас, если они так распоясались, так разбросались ногами, так в этом виноваты все мы: все спускали, не одергивали, терпели — получайте дикарей с палками капралов!

Я высказала в Ц. К. К. всю правду также и за трусов, и за шкурников, и за всех любителей «хаты с краю». Был момент, когда моя живая, горячая, за всех наболевшая правда, осилила мертвечину «комчиновников», а потом наша «немогущая благородь», наши «интеллигентские импотенты» ⁷⁷, сдали все большевистские позиции и пошла стихия минималистов: «сначала»... а потом и «реформы»...

Тьфу! Эти меньшевики, попомните мои слова, дождутся своего второго Октября. На этот Октябрь идет подготовка во всю, т<ак> к<ак> одуревшие в «превышении власти» все делают для того, чтобы дискредитировать идеи коммунизма сволочным, волчьим отношением и друг другу и ко всем нам и с этим: рубят ветки, на которых сидят, обескровливают партию, губят своих собственных солдат. И тут с зазнавшимися дураками ничего не поделаешь (упрямей меньшевистской стихии ничего нет на свете), они очухаются, только разбив хорошо свои головы. Ни движение за коммунизм, ни партия В. К. П. не убудут от того, что эти «комрастяпы» сломают свои нелепые головы.

Везде развели недобросовестность, наглую, бездарную ложь, всякие «дымовки» оглушительные (одной из них является травля Санжарь и ее работ)⁷⁸ и все это с именем Ленина на устах — стыд и срам! См., что нам пишут наши племяши деревенские, наши семейные комсомольцы, которым мы проложили дорогу, борясь за Октябрь.

Никогда, на бессовестной лжи, на волчьей этике, на диких «убоях от своих», нельзя прорабатывать коммунизма. Тут и коммунисты сами себя бьют, если не чисто, не честно на коммунизм и сеют и жнут. Всюду убивается правда и воцаряется дрянная, мелкая, хищная, ничтожная ложь и человекопредательство. Сеют мерзость и пожнут — дрянь и позор!

Кто стоит сейчас перед В. К. П. как пушечное мясо, как безропотный солдат, как «попыхач»⁷⁹ только умеющий рабски козырять: — так точно! чего изволите! всегда готов! — тот предает сейчас и партию и идеи коммунизма. А плоды этого мы еще с Вами увидим. И эти зазновшиися <sic!> лгуны, разве они могут признать наших честных, провидных глоток? — да ведь каждое наше слово нож в горло их чванству, их высокомерию «победителей»: «— а, на наш век хватит! и после нас — хоть потом!»⁸⁰

Да, на их век хватит! И это социалисты-коммунисты! Стыд и срам! Стыд и срам и тем, кто это видит, понимает и только об этом шушукается в четырех стенах: «— да Ленин говорил, что они не справятся»...

Я люблю идеи коммунизма и с растлителями, извратителями этих идей буду бороться до самой смерти. И я, на такой любви, не боюсь губить и моей карьеры и моей жизни. Если мне не давали бороться за мое любимое в партии (засилье лгунов и подлецов всегда в партии было, а в 1923 г. развернулось уже во всю) — так я из партии вышла и без билета ни одной моей коммунистической позиции не сдала (чего нельзя сказать о билетных)⁸¹. Если мне не дают работать, как писателю, если мы имеем профсоюз такой-же лживый, нечестный, как и его диктаторы (у меня профсоюз не захотел посмотреть документы; из которых-бы выплыл весь стыд и срам коммунистов стоящих властью над книгой), если у нас Ц. К. К. извращено в несамостоятельную тряпку, которой трепят лгуны и нечестные, как захотят (см. мое правое дело и убожество результатов его в Ц. К. К.), если наши современники писатели состоят в партии и как коммунисты только слушают, только ахают и палец о палец не ударят, чтобы осадить лгунов и подлецов («ком-этика»: не тронь меня и я тебя не трону!) — стыд и срам таким писателям! стыд и срам таким коммунистам! У них на гла-

зах, группа монопольных безответственных, единственную у нас пролетарку, домучавшуюся из прислуг и в человека, и в коммуниста, и в писателя, трепят, убивают морально и материально (не дают ей работы, проваливают ее книги к печати годные), теснят, как «врага», как «ничтожество» и те, кто знают наверно, что я не враг, не ничтожество, трусливо поджимают хвосты, трусливо прикусывают языки и молчат, и нет у них правдивых, честных слов, и нет у них смелого, человеческого голоса. Дураки, подлецы куражатся, а они видят и молчат — стыд и срам таким современникам, стыд и срам таким коммунистам!!!

Я читала Вам мою «пьесу»⁸², чтобы проверить: смогу-ли я от голода халтурить? Нет и от голода не могу. Вы говорили: в ее прежних вещах что-то было, а тут в «пьесе» ничего! Верно! Там были, есть мои темы, мое нутро, моя жизнь, а тут, в «пьесе» ничего моего нет, ну, и ничего не вышло. Значит, отказавшись от себя, от своего, я *все теряю и другой быть не могу*. Если я, уже много лет, намазолила всем глаза о моих темах, о нашей «ремонтне», то уйдя в псевданним, который мне дружески рекомендуют, я ведь не могу говорить о том, чем полна, чем сильна, ведь тут мгновенно узнают Санжарь, т<ак> к<ак> никто из Вас никогда над Челвед не работал, никакой «ремонтне» ни у кого никогда не было, никто из вас П. К. никогда не создавал и тем, пропущенных агитпропом Ц. К., в нем не проработывал: тут мой материал, моя жизненная правда новые, свежие, оригинальные и затаить это никак нельзя. Тренироваться-же в 50 лет на какую-то новую, никому неведомую, затаившуюся Санжарь — это чепуха и от такой попытки, Вы правильно, полезли на стенку. Нет, мой современник, спасибо за совет, но я уж лучше останусь собой. Если Вы мне не дадите права голоса (и Вы, Серафимович, не даете: поскольку Вы не защищаете во мне то, что пропустил агитпроп Ц. К., что пропустили сейчас в Ц. К. К., поскольку Вы миритесь, что профсоюз наш бессилён защитить своего члена от кучки диких своевольников, постольку Вы своей «хатой с краю», помогаете дикарям топить, убивать нас), если писатель во мне не может дать мне необходимый кусок хлеба (быть собой — не позволяете, быть халтурщиком — у меня не выходит), если я прошу службы, ради хлеба, и мне упорно в ней отказывают — что-ж мне делать? Я жила в долг, думая расквитаться готовой у меня книгой (девять листов), а книге моей, годной к печати, жизни не дают, чем обрекают меня на лишения крайней нужды и запрудили у меня материал на XII книг.

Что делать? прятаться в провинцию? Это ерунда: я и там все равно не спрячусь — мой язык, мои темы выдадут меня. И будет, как с Карповым: спрятался в псевдоним, вещь его напечатали. А принес такую-же точно вещь (идеологически), но узнав, что в псевдониме Карпов, его второй вещи печатать не стали. У нас печатают Александр<ра> Грина — найдите еще такого мистика и буржуа, как Грин, а Карпова, хлебороба, крестьян<ина> самоучку, не печатают, хотя он дает работы вполне приемлемые ⁸³.

Идет дикая расправа: символист, мистик Грин может жить, а Карпов осиливший в себе мистика — не может ⁸⁴. И вообще, прятаться, отступать (показывать спину, пятки) не мой стиль: я с врагами всегда стою лицом к лицу. Не даете быть писателем — ну, черт с вами! Я уйду, ради хлеба, опять в прислуги, в союз чернорабочих (что-же мне голодать, и так кругом должна) — вышла из прислуг и опять в прислуги вернусь. А в свободные минуты буду продолжать писать «Летописи человековедов», вскрывать наше уже советское «жили-были» ⁸⁵ и дикарей в образе человека, среди которых приходится так мучаться (эти летописи, сначала просто записки, я пишу с 11 лет, а с 1902 г., когда пошла работа уже над «Челвед», записки перешли в «Летописи> человеков<едов>><.>

И никакой злобы к партии, к коммунизму у меня нет и никогда не будет: я умею отделять идеи от дрянного, нечестного выполнения...

А может доживу, когда мои дикие гонители и их поощрители подохнут, когда партия за своих дикарей возьмется, как взяться за них придется безусловно, тогда, может, и я получу права голоса в моей стране, за которую я столько мучалась, столько принесла и личных, и всяких жертв.

Я не верю, что на наглой, бессовестной лжи, на волчьем отношении человека к человеку можно строить коммунизм. Убивай врага — на то он и враг и тебя щадить наверно не будет. Но убивать своих, тех, кто помогал партии, кто в муках вытаскивал на себе наш Октябрь — это сумашествие, это действия безусловных подлецов. Как произошло такое «перерождение», мы, человековеды, очень хорошо знаем и заткнуть нам наши честные глотки все равно не удастся: правда, как и огонь, загнанные в глубь, не гибнут. На дикости с Санжарь слишком многие смотрят и кроме позора для гонителей — ничего доброго в этом нет. Я загнанная и в прислугу, все-же буду и умру коммунисткой. Прощайте!

Н. Санжарь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В названии публикации — цитаты из писем Н. Д. Санжарь в «Литературную газету» [9.X 1932; Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (= РГБ), ф. 266 (Н. Д. Санжарь), к. VII, ед. хр. 42, л. 21] и в журнал «Молодая гвардия» (4.I 1927; Там же, ед. хр. 46, л. 1 об.).
- ² Российский государственный архив литературы и искусства (= РГАЛИ), ф. 457 (А. С. Серафимович), оп. 3, ед. хр. 84, л. 11 об.
- ³ РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 42, л. 3.
- ⁴ Публикуется впервые. Печатается по автографу [Там же, ф. 459 (А. С. Суворин), оп. 1, ед. хр. 3785, л. 1—4 об.]. Это первое из 5 писем Санжарь к Суворину. Его имя открывает длинный перечень писателей, к которым на протяжении всей жизни Санжарь обращалась с просьбами о помощи. Очевидно, посланное письмо (состоящее из двух частей неравного объема: собственно письма и романизированной биографии на 4 страницах большого формата) не возымело желаемого результата, и потому через несколько дней Санжарь направила Суворину следующее послание, в котором сетовала, что ей не удалось до него «добиться», и сообщала, что нарочно написала ему о себе «неправду», чтобы проверить силу своего писательского дара: «Моя жизнь дѣйствительная, правдивая, такъ же была тяжела и содержательна, но идеть въ разрѣзъ съ той которую я Вамъ описала» (11.III 1902; Там же, л. 9—9 об.). К новому письму Санжарь приложила рекомендацию своего бывшего начальника: «Вы можете, смягчите мою вину т<акъ> к<акъ> не знаете, что и думать обо мнѣ и моей благонадежности» (Там же, л. 10 об.). Через 2 дня, 13.III, Санжарь снова писала Суворину: «<...> два раза заходила бесплодно <...> осмѣливаюсь беспокоить Васъ въ послѣдній разъ. Если Вы нашли лишнимъ отвѣчать мнѣ, то будьте такъ добры возвратить, если не выброшенъ отзывъ Инспектора Сементовскаго приложенный къ моему письму» (Там же, л. 5). 1.IV Санжарь отправила Суворину уже четвертое послание, начинающееся словами: «Не думала я Васъ больше беспокоить, но Вашу неопредѣленный отвѣтъ на мой запросъ о существованіи у меня способности къ литературѣ такъ мучилъ меня <...> умоляю ради Бога прочитайте и отвѣтте мнѣ такъ: „никакой способности нѣтъ и лучше бросьте мечтанія“ или такъ: „способность есть, продолжайте писать“» (Там же, л. 7). Последнее письмо датировано 7.IV; в нем Санжарь сожалеет, что беспокоила Суворина «напрасно»: «Будьте добры возвратить мнѣ тетрадку переданную Вамъ 1го Апреля». «Если сейчасъ, я не могу получить ее, то я зайду черезъ часъ» (Там же, л. 6). О своей обиде на Суворина Санжарь, видимо, помнила и четверть века спустя (см. с. 325).
- ⁵ Санжарь объясняла Вересаеву, что «обучилась съ грѣхомъ пополамъ грамотѣ въ бесплатной школѣ» [10.XII 1911; РГАЛИ, ф. 1041 (В. В. Вересаев), оп. 4, л. 1 об.]. Количество орфографических и пунктуационных ошибок у Санжарь столь велико, что оговаривать их особо нет никакой возможности (однако, поскольку они входят в ее литературный портрет, их следует воспроизводить с максимально доступной точностью). На каждом шагу у нее встречаются написания вроде *слышишь*, *отзывчевѣ*, *фаноря*, *циремонилась*, *обидить* и мн. др.; она систематически путается в окончаниях: *трудней* вместо *труднѣй*, *богатаго* вместо *богатаго*, *на кроватѣ*, *послѣдніе (сраженіе)*, *послѣдніе (работы)* вместо *послѣднія*, *ея* (вин. п.) вместо *ее* и т. п. Неуверенность в

себе часто приводила писательницу к гиперкоррекции; орфография ее была непоследовательна и противоречива (*жестокіе недобрія люди*); в своих рукописях Санжарь старалась стирать грань между *a* и *o*, между слитным написанием и раздельным, так что не всегда можно поручиться за правильность предлагаемой транскрипции. [К числу ошибок мы не относим систематические пропуски еров на конце слова (в письмах к Иванову и Блоку): это обычное явление в эпистолярной скорописи начала века.]

⁶ Ср. свидетельство В. В. Розанова: «И вездѣ, всегда у Суворина эта забота — какъ бы не унижить, не обидѣть челоуѣка, невидимаго, далекаго, ненужнаго <...> словомъ, обмолвкою» (*Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову*, С.-Петербург 1913, 123—124 примеч. 2). Ср. также высказывание метранпажа из суворинской типографии: «Суворины вообще всѣ чрезвычайно добры» (Там же, 66). Возможно, Санжарь обратилась к Суворину, зная о его крестьянском происхождении.

⁷ Неясно, кого именно Санжарь имеет в виду.

⁸ Санжарь неоднократно шантажировала своих адресатов угрозой самоубийства (ср. письмо Н. А. Семашко в примеч. 72).

⁹ Санжарь, как и ее героини, всячески подчеркивала свою девственность: «Я, навѣрно, умру дѣвушкой, что-то я не вижу среди васъ моего мужчины» (Н. Санжарь, *Книга о человеке: Первая*, Москва 1916, 155). В «Письмах к тов. Адольфу» (1922) Санжарь объясняла, что «половая, эротическая обмороченность <...> это самое страшное и подлое наследие буржуазного быта и культуры». Писательница негодовала: «Все у буржуазии бракуете, только половую жизнь берете не гляючи. Свобода обортов! — и воображают, что разрешили половой вопрос. Коллективно, скопом проституцию отменили, дома терпимости закрыли, а индивидуально каждый перенес проституцию к себе в комнату. В вопросах пола, также нужен Крас<ный> Октяб<рь>. И он будет!» (РГБ, ф. 266, к. IV, ед. хр. 6, л. 8 об., 9). «Из пола, — говорится в черновиках „Писем“, — сделали какое-то гнуснейшее безобразіе <...> Раб своих половых органов! Идиот! Развели половую гострономию, не продохнешь! А ты терпи, покоряйся, т<ак> к<ак> слабая часть рода человеческого. Я тебе покажу „слабую“! Нет, его таким оставить нельзя, „перелепить“ надо! <...> Осилить надо в нем самца, сбить этого сволочного диктатора со всех позиций» (Там же, ед. хр. 4, л. 94). В повести «Дада» (1923) Санжарь пишет: «<...> в переходное время, в полосу проверки, куда разумней, выгодней и честней жить в воздержании, в девственности, чем приобщиться к гадости и свинству <...> Всем своим долголетним опытом, Дада уверяет, что от воздержания, от забастовки в поле, человек в ней ничего не потерял, но выиграл так много и такого, о чем усердные самцы и самки не подозревают» (Там же, к. II, ед. хр. 10, л. 33 об.). Устами еще одной «забаставшей в деторождении» героини Санжарь произносит делую вдохновенную проповедь онанизма. Настя («Ваятели новой культуры», 1923) отвергает притязания поклонника, который «все время» «тащит» ее «в свободу абортон или в онанизм вдвоем»: «Если пошло дело на онанизм, то обуздать природу, одолеть бесов пола можно онанизмом и без портнеров. Конечно, тут также нужна сообразительность и мера. Если в онанизме пьянствовать без просыпу, то и единолично можно подорвать свое здоровье, так точно, как подрывают себя наши современные супружества онанизмом вдвоем <...> Иной сообразительный мужчина <...> тактично, благоразумно, по мере надобности, отделяется от полового тяготения онанизмом, раскрепо-

щает себя от полового рабства, успевае себя развить гораздо больше и продуктивней, если-бы закабалил себя семьей только ради половой похоти <...> Ту же картину, не менее приличное здоровье и не дурное состояние мозгов, мы наблюдаем и у женщин не желающих трепаться в самочей и любовницкй канители и подавляющих половое рабство единолично» (Там же, к. II, ед. хр. 12, л. 40—41).

¹⁰ Этот «сюжетный ход» был, скорее всего, «согласован» с произведениями Суворина, в которых встречается тема внебрачных детей (кстати, другим корреспондентам о своем внебрачном происхождении Санжарь никогда не писала). Так, героиня романа Суворина «В конце века. Любовь» считает, что ребенка, родившегося вне брака, «съемъ-ла бы воспитать <...> такъ, что онъ не стыдился бы незаконнаго рожденія» (А. С. Суворин, *В конце века. Любовь: Роман*, Издание 2-е, С.-Петербург 1893, 137).

¹¹ В письме к Н. А. Семашко (30.X 1924) Санжарь мифологизирует свое происхождение иначе: она называет себя дочерью «очень умнаго человека, истиннаго артиста, художника, погибшаго в темной, рабьей доли столяра» (РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 49, л. 1 об.). В действительности Санжарь и ее сестру воспитывал дед по матери.

¹² Насколько известно, мать Санжарь ненависти к своим детям не испытывала.

¹³ Этот факт в биографии Санжарь имел место на самом деле.

¹⁴ На такую же агрессию способны и героини Санжарь. В повести Санжарь «В мастерской тов. Адольфа» девочка Ася говорит о своих стареньких тетушках-дворянках, не чающих в ней души: «Я их как-то всех по морде отшлепала, а они лезли мне руки целовать» (Там же, к. IV, ед. хр. 3, л. 9). Ср. в «Письмах к тов. Адольфу»: «А я Вам до того доверяю <...> что если-бы я мылась и в доме никого-бы не было, кроме Вас, я не задумаясь закричалабы из ванной:

— Тов. Адольф, будь добр, потри мне спину!

<...> А попробуй Вы внести в мое братское какую-нибудь буржуазную мерзость, я-бы Вас так отхлестала, что Вы не знали-бы, как от меня выскочить» (Там же, ед. хр. 6, л. 9). Настя из повести «Микробы советские» гордится своими отношениями с женихом: «Пять лет по мне с ума сходит.> Сгреб, как-то меня Гончарук и хрипит: — „не отпущу, женой моей будешь“». «Еще-бы, так вот и сейчас! Набила я ему морду — страшное дело. Искусала его, исцарапала, чуть не выбила ему глаза. И не помню, как от него вырвалась. Прямо зверь, вот до чего дошел» (Там же, к. III, ед. хр. 13, л. 18).

¹⁵ Всех представителей человеческого рода Санжарь разделяет на «зверей» и «людей», причем «зверем» обычно именуется любой, посмевший хотя бы когда-нибудь испытать сексуальное влечение.

¹⁶ Это чисто литературный эпизод, возникший, быть может, с оглядкой на Достоевского и на «Дни нашей жизни» Л. Андреева, модные в начале века. В дальнейшем Санжарь ни разу не писала о попытках матери ее продать; напротив, в 1925 г. она вспоминала, как ее мать говорила спьяну хозяину булочной: «На работу я вам ее отписала, а чтобы для каких нибудь [бардацких] похабных дел — это уж извините! На это нет моего материнскаго согласия. Меня вот обработали в шлюху распоследнюю — и будет!» («С бугорка пятидесяти лет»; Там же, ед. хр. 25, л. 33).

¹⁷ Идея самоубийства была у Санжарь навязчивой. 14.XII 1908 Блок писал матери о Санжарь: «<...> она — типа людей, случайно не самоубившихся» (А. Блок, *Собрание*

сочинений: В 8 т., Москва—Ленинград 1963, т. 8: Письма, 1898—1921, 268). Однако о реальных попытках Санжарь покончить с собой нам ничего не известно.

¹⁸ В 1909 г. Санжарь действительно служила в семье миллионера-сахарозаводчика, одного из братьев Терещенко. Он был тестем Б. И. Ханенко, крупного промышленника, увлекавшегося живописью и археологией и основавшего в Киеве Музей Западного и Восточного искусств. Ханенко, безоговорочно поверивший в литературное дарование Санжарь, стал ее меценатом и оплатил ее путешествия за границу. В очерке «С бугорка пятидесяти лет» Санжарь описала свою встречу со вдовой Ханенко, Варварой Николаевной, уже после революции, когда Санжарь принимала участие в разграблении особняка Ханенко: «Кто-бы мог <...> представить себе, что полуграмотная, самоучка, нянька богачей Терещенко, через 19 лет, т<о> е<сть> в 1919 г., с портфелем в руках, от Внешкольного отдела Украинского Наркампроса, также будет забирать в музейный отдел республики, терещенковские дворцы со всеми их сокровищами <...> Происходило светопреставление: среди забиравших фамильный музей, была ее бывшая прислуга.

— Это вы, Ганна?

— Да, это я, гражданка Терещенко.

О, как раз но бились сердца у камергерши (уже не камергерши!) и у ее бывшей прислуги (уже не прислуги!)... Такой сказки не всякое сердце выдержит: бывшая хозяйка Ганны не выдержала Октября и вскоре умерла. Ганна-же жива и жить еще будет» (РГБ, ф. 266, к. III, ед. хр. 25, л. 17—18 об.). Сам Б. И. Ханенко выведен в повести «Дядя» под именем Бориса Ивановича Хотько и в пьесе «Художники» под именем Ларича (см.: РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 16 об.—17; ср.: РГБ, ф. 266, к. III, ед. хр. 10, л. 3 др.).

¹⁹ Еще один классический литературный мотив.

²⁰ В романе Суворина трагедия героини — в том, что красавец-соблазнитель, слушая ее речи о высоком, думал лишь о ее теле: «Вездѣ <...> только слышишь — точно собаки лаютъ: красивая... аппетитная... какая прелесть!.. <...> Всѣмъ одного и того же надо отъ насъ» (А. С. Суворин, Указ. соч., 269). Героиня романа заявляет: «Самка — и больше ничего. Всѣхъ бы васъ, мужчинъ, я уничтожила; из поганого ружья застрѣлила бы» (Там же, 83). Она протестует «противъ мужчинъ, брака и любви» [Там же, 71 и др.; ср.: «Я замужъ ни за кого не пойду, полюблю ли, не полюблю ли <...> предпочитаю независимость, свободу» (А. С. Суворин, *Вопрос: Комедия в 4 действиях и 5 картинах*, С.-Петербург 1902, 10)]. У Суворина можно найти также под сказанную Григорием Богословом идею «отборочного» зачатия — через несколько лет эта идея овладеет сознанием Санжарь (ср. приложение I): «Кто изъ людей прилагалъ свое стараніе о томъ, чтобы зачать наилучшаго сына? <...> смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ?» «На эти вопросы одного изъ замѣчательныхъ отцовъ церкви наука нашего вѣка уже отвѣчаетъ нѣкоторыми данными въ пользу возможности знать, что выйдетъ изъ нашего порожденія — худое или доброе. И Василій Юрьевичъ, любуясь на красоту дочери и на красоту, соединенную съ умомъ, Видалина, думалъ, что отъ этой пары можетъ родиться только прекрасное потомство» (А. С. Суворин, *В конце века...*, 12—13).

²¹ С подобным предположением Видалин обратился к Вареньке — героине романа «В конце века». С потерей невинности Варенька теряет также многие другие свои драгоценные качества.

²² В Петербурге Санжарь работала модисткой и в кукольной мастерской, но приехала она в столицу не вслед за мифическим женихом, а скорее с целью «пробиться».

²³ Протоисточник афоризма — Платон, «Апология Сократа» (22d и др.).

²⁴ Так — с ером на конце — подписаны все письма Санжарь к Суворину.

²⁵ Публикуется впервые. Печатается по автографу [РГБ, ф. 109 (В. И. Иванов), к. 34, ед. хр. 13, л. 5—8]. Нам известны четыре письма Санжарь Вяч. Иванову, написанные в период с 12.V 1907 по 2.V [1911] [личное знакомство Санжарь с Ивановым состоялось, наверное, тоже в 1907 г. (ср. фрагмент из воспоминаний Л. В. Ивановой в приложении I)]. В первом из писем Санжарь жаловалась на молчание своего корреспондента (таким образом, предыдущее письмо, по всей видимости, не сохранилось) и просила Иванова вернуть ей ее произведения (Там же, л. 1—2 об.). Вероятно, на это письмо Санжарь получила ответ, так как в следующем письме (13.V [1907]) она пишет: «<...> Вы хотите со мною говорить, да еще о многом, Вы хотите меня знать, меня понять? Это до такой степени для меня ново, необычайно, такъ меня хорошо, приятно волнуешь, такъ глубоко трогаешь и я буквально не нахожу словъ для передачи моего душевнаго состоянія <...> Передать, и нѣсколько разрѣшить, такое душевное состояніе я, съ моею невоспитанностью и сильно на все реагирующей натурой, могла-бы такъ: если-бы Вы подвернулись мнѣ въ это время подъ руку, я-бы Васъ молча и крѣпко, крѣпко обняла». «„Физиологія“? Нѣтъ, нѣтъ, просто какъ чело^вѣка-бы обняла. И такъ, если Вы дѣйствительно такъ чело^вѣчны, какъ мнѣ сейчасъ кажитесь, Вы навѣрно дадите мнѣ и въ дальнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ еще нѣсколько необычайныхъ, для меня, минутъ, — вот тогда-то я наверстаю потерянный теперь моментъ и поблагодарю Васъ за все — сразу, (будьте на всякій случай осторожны: иногда можно такъ обнять — что и духъ вонь)» (Там же, л. 3—3 об.). Далее Санжарь много говорит о Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, сокрушается, что не читала ее книг, и просит: «Расскажите Лид<ии> Д<смитріевнѣ> какая у Васъ завелась чудная знакомая: мнѣ часто говорятъ, что я точно свалилась съ какой-то другой планеты, до такой степени все во <м>н<ѣ> странно» (Там же, л. 4 об.; в рукописи: *во вне*). Третье сохранившееся письмо мы публикуем целиком, а в последнем, от 2.V [1911], речь идет о помощи П. И. Карпову (Там же, л. 9; см. приложение III). 6.I [1911] Санжарь сообщала Блоку: «Была у Вячеслава Иванов<а>. Много говорили, хорошій онъ, тонкій и много мнѣ обо мнѣ сказалъ нужного и интереснаго — нѣтъ, если-бы Вы знали какъ онъ разобралъ мой половой демонизмъ! Я глаза от удивленія открыла широко, широко и до сих поръ они у меня нѣсколько расширенныя» [РГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 1, ед. хр. 393, л. 6—6 об.].

²⁶ Л. Д. Зиновьева-Аннибал, ухаживая в деревне за больными скарлатиной крестьянками, заразилась и умерла 22.X 1907.

²⁷ С некоторыми мотивами творчества Зиновьевой-Аннибал перекликается повесть Санжарь «Заколдованная принцесса» (С.-Петербург 1911; 2-е изд., под названием «Заколдованная», — Москва 1916). Ср.: «Жить, жить, жить, какъ царевна кочевая!»; «<...> какимъ-то чудомъ у людей родилась не дѣвочка, а царевна-кентавръ»; «Онѣ меня всѣ считали принцессой, принцессой въ изгнаніи» и др. (Л. Зиновьева-Аннибал, *Трагическій зверинец: Рассказы*, С.-Петербург 1907, 83, 174, 252). Героиня автобиографической прозы Санжарь тоже мнит себя заколдованной принцессой, ожидающей чуда среди не понимающих ее людей (ср. также примеч. 32).

²⁸ Цитата из Гоголя («Ревизор», действие II, явление I).

²⁹ Ср.: «Отказалась от счастья — надъ материнствомъ поставила крестъ» (Н. Санжарь, 'Записки Анны', *Образование*, 1909, № 1, 84).

³⁰ Несколько иной тон — в «Записках Анны»: «Зачѣмъ хотѣла ты родить дитя? Смири гордыню, поиди ты къ вырождакамъ людей, отдай имъ твое сердце, любовь, заботы матери. Учи ихъ доброму, учи быть человѣкомъ» (Там же, 86).

³¹ Здесь чувствуется влияние Чернышевского. Ср.: «Насъ объединила мечта построить въ жизни хрустальный дворецъ» (Н. Санжарь, *Книга о человеке*, 136). Писательница теоретически обосновывала идею мастерской по очеловечиванию людей. В 20-е годы она приветствовала появление сходных умонастроений у идеологов пролетарской культуры: «<...> а теперь и Вы, — писала она А. К. Гастеву, — <...> набрали <...> на человека, как „станок“, как верстак, как двигатель со всякими калесиками» (без даты; РГБ, к. 266, к. VII, ед. хр. 37, л. 5 об.).

³² Скорее всего, Санжарь подразумевает «Записки крестьянки», о замысле которых она писала Иванову в письме от 13.V [1907] (см.: Там же, ф. 109, к. 34, ед. хр. 13, л. 3 об.—4). Надо полагать, это то же самое произведение, которое было впоследствии напечатано под названием «Заколдованная принцесса» (см. примеч. 27).

³³ Вероятно, имеется в виду Семен Моисеевич Бриллиант (Бриллиант), за которого Санжарь вышла замуж «духовным браком». В повести «Дадя» С. М. Бриллиант выведен под именем Семёника — писателя-еврея, который помог героине, на ней женившись, но оказался при этом не способен исполнять супружеские обязанности (ср.: «<...> я вписана в паспорт С. М. Бриллиант, как законная супруга — что я у моего мужа осталась до сих пор в девицах, тут деталь моей „беллетристической судьбы“» (из письма А. С. Серафимовичу, 26.II 1926; РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 2). Сам Бриллиант охарактеризовал их сожительство так: «<...> Надежда Дмитриевна Санжарь, в теченіи ряда лѣтъ, была для меня к<a>к-бы приёмной дочерью, пока не разлучила нас война, задержавшая меня за границей, а затѣм, с послѣдовавшими событіями, прекратилась у нас и переписка, и я совершенно потерял ее из виду» (из письма А. М. Эфросу, 27.XII 1925; РГБ, ф. 266, к. VIII, ед. хр. 129, л. 1—2 об.). На средства Бриллианта и с его предисловием (подпись: Издатель) в 1910 г. «Записки Анны» были выпущены отдельной книгой. [Между прочим, Бриллиант приходился родным дядей Г. Я. Сокольникову: «<...> Гриша Бриллиант (быв<ший> Наркомфин Сокольников) мой незаконнейший племянник» (из письма Санжарь А. С. Серафимовичу; РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 2)].

³⁴ Аналогичные уверения Санжарь рассылала чуть ли не каждому своему корреспонденту. См. цитируемое в примеч. 35 письмо Блоку (26.XII 1913); ср. также письма В. В. Вересаеву (10.XII 1911): «<...> какъ писатель Вы мнѣ очень симпатичны, я обращаюсь къ Вамъ и какъ къ коллегѣ и какъ къ человѣку съ полнымъ довѣріемъ» [Там же, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 361, л. 1]; В. Я. Брюсову (1912): «Давайте поведемся, поговоримъ — очень мнѣ хочется передать Вамъ что-то добытое въ академической жизни, и именно Вамъ» [РГБ, ф. 386 (В. Я. Брюсов), к. 102, ед. хр. 12, л. 2 об.]; А. В. Луначарскому (16.XII 1924): «<...> Вы один можете правильно решить: надо ли мне мучаться с моим Челвед или все бросить и итти опять в кухарки» (Там же, ф. 266, к. VII, ед. хр. 43, л. 1 об.) и др.

³⁵ Публикуется впервые. Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 3—4). С Блоком у Санжарь были довольно странные отношения. В октябре 1922 г. она вспоминала: «Когда я выпустила первую мою книжку, получаю как-то письмо от поэта Александра Блока. Я с ним тогда не была знакома. Блок пишет мне: „Узнал ваш адрес, хочу сказать вам на вашу книгу: мое боится за ваше. Мы все живем на проценты с капитала, а вы проживаете весь капитал. Не есть-ли тут, та таинственная стихия, что носит название истерики“ <...> И как характерно для Блока это „боюсь“ и как типично для людей старой культуры, все не понятное относить к психическому неблагополучию. Мне захотелось с Блоком об этом поговорить. Условилась по телефону, прихожу. Ну, я и завела мою машинку. Слушал он, слушал меня и говорит тихо:

— Я боюсь вас.

Я, конечно, в хохот.

— Чего-же вы, Александр Александрович, боитесь?

Он отвечал также тихо:

— Вы колдунья. Вы можете зачаровать, увести в ваше, а я не хочу терять моего. Оно мне дорого, я буду отбиваться от ваших чар.

Я его успокоила, сказала, что уезжаю из Петербурга, что неизвестно, когда мы встретимся. Когда я уходила, он вышел из передней и смотрел мне во след пока я не спустилась с лестницы. У него было сметенное и бледное лицо. Да <...> во мне есть какой-то яд» (РГБ, ф. 266, к. IV, ед. хр. 6, л. 67 об.—68 об.).

Знакомство Санжарь с Блоком произошло 7.XII 1908, а 14.XII Блок слушал ее пьесу [см. его письмо матери от 14.XII (А. Блок, Указ. соч., 268)]. Сохранилось 10 писем Санжарь к Блоку (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 1—15). Первое датировано 14.I 1910; в нем Санжарь сообщает, что высылает «Записки Анны» (Там же, л. 1—2). Второе письмо, от 27.I 1910, публикуется в настоящей подборке. В апреле 1910 г., после выхода из печати отдельного издания «Записок Анны», Блок сочувственно отозвался на него в газете «Речь»: «Это, собственно, не литература, а „человеческие документы“. Когда воздуха не хватает, отдельные люди и целые группы людей начинают задыхаться и кричать <...> есть две очень острые книги таких „русских военнопленных“: „Записки Анны“ Надежды Санжарь и „Говор зорь“ Пимена Карпова. Есть ли в действительности такие имена, или это целая часть большого человечества, требующая врача, которого мы еще не в силах ей предложить, — водила слабыми перьями своих представителей? Во всяком случае, в этих книгах есть не одни чернила, но и кровь; кровь, будто запекающаяся между отдельными страницами <...> Книги в лучшей своей части косноязычны, но ведь и настоящие мученики чаще косноязычны, чем красноречивы» (А. Блок, Указ. соч., 1962, т. 5: Проза, 1903—1917, 439). 25.IV Блок получил третье письмо Санжарь, с жалобами на всё человечество: «Боже мой сколько дряни, грязи, уродства тамъ накопилось! Отчего это всё такіе дряблые, лѣнивые, трусливые и жалкіе <...> Лѣтъ десять тому назадъ я говорила, что люди дождутся, что ихъ дѣти, отъ негодованія, протеста, муки, будутъ выбрасывать своимъ семьямъ и обществу свои юнныя, бездыханныя тѣла» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 5—5 об.). 6.IV [1911] датировано еще одно письмо, в котором Санжарь благодарит Блока за денежную помощь и сообщала о своем визите к Вяч. Иванову (см. примеч. 25). Тут же она писала: «Очень я дорожу Вашимъ отношеніем и не хотѣлось,

чтобы что-нибудь ворвалось и испортило. Поберегите и Вы его — т<о> е<сть> если я буду плохая, а я могу быть т<акъ> к<акъ> очень горю, рвусь и многого хочу, а Вы и на плохое хорошо, ласково улыбнитесь и... вся моя душа будетъ съ Вами <...> Навязывать себя и такой какъ я хочу — вотъ моя стихія» (Там же, л. 7). Вероятно, это навязывание оказалось для Блока невыносимым — 17.X 1911 он записывает в дневнике: «Особаченный Мережковскими, изнуренный приставаньем Санжарь, пьяными наглыми московскими мордами „народа“ <...> я жду мужика, мастеровщину, П. Карпова — темномордое» (А. Блок, Указ. соч., 1963, т. 7: Автобиография, 1915; Дневники, 1901—1921, 70; о П. Карпове см. приложение III). 29.XII 1911 Блок записал впечатления от дневника О. К. Соколовой (Мартыно): «Невежественна, не знает и изящной литературы, безвкусна, как южанка; в судьбе и стремлениях есть общее с Санжарь, но лучше — мягче, без самовлюбленности и самоуверенности, с более узкими, личными планами» (Там же, 113). Следующее письмо Санжарь датировано 18.X 1912: в нем она изъявляет желание вернуть Блоку долг, просит его о встрече и сообщает, что разбогатела (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 8). По предположению А. Е. Парниса, к Санжарь было обращено неизданное письмо Блока от 21.X 1912, в котором «поэт, не называя имени корреспондента, благодарит за полученное письмо и, ссылаясь на занятость, отказывается от встречи» ('Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях', Материалы собраны Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом, Вступительная статья и публикация В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса, Комментарии Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика, *Литературное наследство*, Москва 1982, т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования, кн. 3, 122; о взаимоотношениях Блока и Санжарь см.: Там же, 122—123). 20.X 1912 Блок отмечает в дневнике: «Утром — телефон с Санжарь» (А. Блок, Указ. соч., т. 7, 167). В письме от 17.II 1913 Санжарь упрекала Блока, который, очевидно, не раз отказывал ей во встрече: «Довольно не нужныхъ жестокостей <три слова подчеркнуты Блоком, и на полях стоят восклицательный и вопросительный знаки. — А. А.>, не гоните и на этотъ разъ, не узнавъ, чего мнѣ отъ Васъ надо <...> Я уже не такая мятущаяся и сумашедшая, какой была раньше. Я уже разобралась въ томъ, что чуть не довело меня до пелли; уже разобралась: въ добръ и злѣ, Богѣ и дьяволѣ, и что такое наша жизнь и что такое мы, люди <...> Я имѣю возможность имѣть сколько захочу страшной, чудодѣйственной силы денегъ <...> Позвольте мнѣ, пожалуйста, съ Вами поговорить. Можеть мое и заинтересует Васъ и Вы захотите къ этому приложить также и Ваши руки <...> Прошу Васъ, пожалуйста, не бойтесь меня и не считайтесь серьезно съ тѣми легендами, котор<ья> обо мнѣ сложились и распространяются любителями сплетень <рукою Блока пометка: „Не слыхалъ“. — А. А.> <...> я уже другая въ томъ смыслѣ, котор<ый> Васъ во мнѣ тревожить <рукою Блока приписано: „Незамѣтно“. — А. А.>» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 9—9 об.). В тот же день Блок оставил дневниковую запись: «Примечательное письмо от госпожи Санжарь. Все-таки это хорошо, что мне так пишут» (А. Блок, Указ. соч., т. 7, 221). В октябре 1913 г. Блок еще раз печатно упомянул «Записки Анны» в одном ряду с «Пламенем» П. Карпова и «Антихристом» В. Свенцицкого: «От них как от книг не сохранилось ничего, что можно оформить и поставить на полку; сохранилось только похожее на воспоминание о физической боли, на сильное и мимолетное впечатление, с которым не расстанешься»

(А. Блок, Указ. соч., т. 5, 486). В письме от 26.XII 1913 Санжарь расхвалила «Розу и крест»: поэт «представился» ей «вѣрнымъ рыцаремъ-„служой“ <...> искусства». Далее, как всегда, о себе: «А я, навѣрно, образуюсь въ человѣка изъ лягушки — знай свое квакаю <...> Я затѣяла довольно трудную работу (ква! ква! ква!), хочу раскусить человѣка, его сущность, его смыслъ и назначеніе на землѣ <...> къ Вамъ я тянусь за общеніемъ души и духа, а Вы по какой-то нелѣпости или недоразумѣнію меня боитесь — что это? Неужели въ самомъ дѣлѣ инстинктъ червяка передъ лягушкой — а вдругъ проглочу, да?» Санжарь просит собрать двух-трех человек, чтобы прочесть им часть своей работы (к этому месту Блок приписал: «Собрать<->то нѣкого»). Свое настойчивое желание встретиться Санжарь объясняет так: «<...> если я тянусь къ Вамъ, такъ я знаю, что Вы, хоть совсѣмъ другой, но мнѣ равный» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 10—11 об.). 5.I 1914 Блок откликнулся на это письмо: «Что же мне ответить Вам? Мы такие разные. С литераторами я теперь совсем мало вижу, так что и собрать некого, чтобы слушать Вашу работу <...> мы действуем в совершенно разных областях: моя сила — в форме, Ваша — в бесформенности. Я думаю, и Вы и я думаем друг о друге довольно странно: смесь досады с уважением <...> Ужасно Вы странный человек, Надежда Дмитриевна, никак Вас не поймешь» (А. Блок, Указ. соч., т. 8, 432—433; ср.: Он же, *Записные книжки, 1901—1920*, Москва 1965, 199). На следующий же день, вновь умоляя о встрече, Санжарь уверяла Блока в том, что он ее плохо понял. Она писала, что «любима мужчиной, как на миллионы можетъ быть любима — только одна <скорее всего, речь идет об отношениях с Б. И. Ханенко. — А. А.>. Такое рѣдкое я и раздѣляю, и радуюсь, и боюсь потерять <...> И никогда я не тянулась къ Вамъ, какъ къ мужчине <...> У меня къ Вамъ что-то нѣжное <...> материнское» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, л. 12). Еще через три дня, в письме от 9.I, Санжарь спрашивала Блока о том, что ему известно о Г. П. Русинове, и выражала готовность помочь этому начинающему писателю (Там же, л. 14). Наконец, 10.I Санжарь отправила Блоку последнее из известных нам писем, в котором просила прочесть рукопись своего «Тетровского»: «А если волнуясь сейчас так изъ опасенія что Вы не захотите со мной знакомиться по настоящему. А мнѣ это надо и не для меня одной» (Там же, л. 15 об.). 13.I Блок всё-таки навестил писательницу: «У Н. Д. Санжарь-Ханенко. Ее „Петровский“. Тридцать девять лет. Приют (Киев, Ханенко). Какие-то намеки на дело. Впечатление хорошее. Головокружение — почему? Предложение денег» (А. Блок, *Записные книжки*, 201). Блок неточно записал название произведения Санжарь и сделал неверный вывод о ее семейном положении: Санжарь не была ни женой, ни любовницей Ханенко [см. его письмо к Санжарь от 10.XI 1913: «<...> скучно безъ тебя <...> Цѣлую ручки и крѣпко обнимаю тебя; — не бойся, — беречь принцессу буду» (РГБ, ф. 266, к. VIII, ед. хр. 89, л. [1])]. Последнее, не вполне ясное упоминание Санжарь у Блока относится к 20.V 1914: «У Любы — первые репетиции в Куоккале. — Inferno, Санжарь» (А. Блок, *Записные книжки*, 228).

³⁶ Это слово, неорганичное для Санжарь, взято из лексикона символистов.

³⁷ «Записки Анны» привлекли к себе довольно-таки широкий интерес. В одном из писем Брюсову Санжарь составила «критическій венегретъ» из откликов Горького («Пошлите „Записки Анны“ Ав. Стринбергу, они доставятъ ему большое удовольствие и подтвердятъ его взглядъ на женщину»), А. Басаргина (= А. И. Введен-

ского) («Я прочиталъ „Зап<иски> А<ины>“ <...> съ интересомъ и удовольствіемъ»), Антона Крайнего (= З. Н. Гишиус) («бездарность и ничтожество... ничтожество и бездарность»), А. А. Измайлова («Эффектажерство... Самореклама... Симитическая повышенность»), Д. Н. Овсяннико-Куликовского («Отъ души желаю автору „Зап<исок> Ан<ны>“ поскорѣй отдѣлаться отъ крикливыхъ приемовъ, отъ позы и фразы. Талантъ у нея есть и, какъ мнѣ кажется, не только литературный, но и настоящій художественный»), В. В. Вересаева («„Зап<иски> Ан<ны>“ считаю однимъ изъ самыхъ значительныхъ литерат<урныхъ> явленій за послѣдніе годы... и до глубины души возмущаетъ то обывательское глумленіе, которымъ книга была встрѣчена въ газетахъ») и др. (РГБ, ф. 386, к. 102, ед. хр. 12, л. 1 об.—2).

³⁸ Имеется в виду С. М. Бриллиант (см. примеч. 32).

³⁹ «Девятая симфония» была создана уже глухим Бетховеном. Санжарь проводит параллель между глухотой композитора и своей «провидческой слепотой».

⁴⁰ Санжарь использует фольклорный мотив: после смерти девушка превращается в кукушку.

⁴¹ Публикуется впервые. Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 3—8 об.). Личное знакомство Санжарь с Серафимовичем относится, вероятно, ко времени совместной работы в Лито в самом начале 1920-х годов (см.: РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 32, л. 2 об.). Их сближало то, что они оба происходили из донского казачества, оба жили и работали в Новочеркасске, в Петербурге и в Москве, правда не всегда в одно время, оба в 20-е годы боролись с руководством РАППа. Серафимович напоминал Санжарь ее собственного деда [отсюда обращение в письмах: «милый дедушка Саша» (26.II 1926; РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 1 и др.)]. Со своей стороны, Серафимович относился к Санжарь сочувственно, о чем свидетельствует, например, его записка Я. М. Окуневу (8.IV 1925): «<...> может быть, Вас заинтересуют работы тов. Санжарь и Вы воспользуетесь ими для издания в Вашем издательстве». «Жму руку. А<.>Серафимович» (Там же, к. VIII, ед. хр. 148, л. [1]). 12.II 1928 Серафимович написал рецензию на повесть Санжарь «Новое племя»: «Юношеством вещь т. Санжарь хорошо с пользой прочтется. Написано живо» (Там же, ед. хр. 117, л. [1]). Обращаясь к «писателям журнала „Октябрь“» (11.I 1925), Санжарь апеллирует к авторитету Серафимовича: «Меня очень хорошо знает писатель Серафимович и наверно подтвердит, что я умею хорошо, честно работать» (Там же, к. VII, ед. хр. 48, л. 11 об.). Пересказывать содержание всех 10 дошедших до нас писем Санжарь к Серафимовичу (с 26.II 1926 по 28.X 1928) бессмысленно: по большей части они повторяют друг друга. В основном это просьбы о помощи, подробные отчеты о своих литературных работах, приправленные руганью сообщения о борьбе против многочисленных врагов, а также общие рассуждения о коммунизме и коммунистах. Ответные письма Серафимовича нам неизвестны.

⁴² Перед письмом — приписка: «Как только смогу, хоть по 3—5 руб<лей> начну возвращать Вам долг» (Там же, л. 3).

⁴³ Не совсем понятно, о чем идет речь.

⁴⁴ Ср. пояснения Серафимовича: «Писательнице Н. Дм. Санжарь советовал писать под каким нибудь псевдонимом по следующим соображениям.

К ней создалось очень острое предубеждение, — причины:

1. ее прежнее писательское лицо („Дневник Анны“);>
2. признаки истерии в её отношениях к людям.

Это предубеждение все разрасталось, не давая ей возможности работать, а как литературный работник, она с моей точки зрения была полезна.

Я и предложил ей, чтоб иметь возможность работать (вещи ее принимались, но когда узнавали, что автор — Санжарь, работу возвращали) подписываться псевдонимом» (11.I 1930; Там же, к. VIII, ед. хр. 107, л. [1]). Сама писательница комментировала этот совет так: «Меня вынуждали от голода скрыться в псевдоним: так „угодничали“ перед Воронским и его станом <...> люди, думающие, что на свете „сильнее кошки — зверя нет“» («Воронщина, как культурное бедствие», 10.VII 1926; Там же, к. IV, ед. хр. 14, л. 6).

⁴⁵ См. в письме Чехова к Суворину (27.X 1888): «Художник <...> должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста <...> на этом всегда настаиваю» (А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т., Письма*, Москва 1976, т. 3: Октябрь 1888 — декабрь 1889, 45).

⁴⁶ А. Чехов, «Три сестры», действие I.

⁴⁷ Противопоставление этих актрис было общим местом в театальной критике конца прошлого — начала нынешнего века. См., например, статью Б. Шоу «Duse and Bernhardt» (1895): «Она <Бернар. — А. А.> не входит в образ главной героини — она подменяет ее собой». «Именно этого никогда не случается с Дузе, у которой каждая роль — отдельный акт творчества (a separate creation) <...> Мадам Бернар перед нею ребенок» [*Shaw's Dramatic Criticism (1895—98)*, A selection by J. F. Matthews, New York 1959, 82—83]. Ср. воспоминания актрисы М. А. Крестовской: «<...> у Станиславского появился <...> новый термин по отношению к роли: „переживать“ <...> этим термином вполне определялось то, что публика впервые увидела на сцене в исполнении Дузе» (О. Синьорелли, *Элеонора Дузе*, Москва 1975, 60). Э. Дузе гастролировала в России в 1891—1892 гг. Суворин писал о ней: «Это действительно замечательная актриса, не обладающая возможностью рекламы Сары Бернар, но рѣшительно превосходящая ее талантомъ и необыкновенною правдой и простотой игры» (*Элеонора Дузе: Отзывы печати о гастролях Дузе в С.-Петербурге, в Малом театре, С.-Петербург 1891*, 7, ср. 15, 51 и мн. др.; П. Райский, *Э. Дузе: Критический этюд, С.-Петербург 1891*, 8—9). Савину и Комиссаржевскую — обе они играли на сцене Александринского театра — также противопоставляли многие. Несходство их актерского темперамента подчеркивал А. Р. Кугель: «Савина <...> внесла в духовный облик русской женщины на сцене порядок и дисциплину <...> Сила ее вспышек всегда зависела от силы обстоятельств — никогда больше, никогда меньше». У Комиссаржевской, напротив, «не было стили, строгой гармонии, она не обладала высоким мастерством. Нередко в ее голосе, в драматическом ее пафосе, чувствовались болезненные нотки, какая-то правда почти физического страдания <...> Комиссаржевская словно резнула по живому телу публики своей собственной болью» (А. Р. Кугель, *Театральные портреты*, Петроград — Москва, 1923, 46, 51, 147, 154). А. В. Амфитеатров сравнивал игру Савиной и Комиссаржевской в «Идиоте»: «Как актриса, Комиссаржевская оказалась безгранично слабее в средствах, технике, темпераменте; как натура, —

гораздо глубже, нужнее, целесообразнее <...> в способности откликаться струнным эхом страждущему духу эпохи» (цит. по: *О Комиссаржевской: Забытое и новое: Воспоминания; Статьи; Письма*, Москва 1965, 218). Санжарь предлагала Комиссаржевской играть в своей пьесе (письмо не сохранилось). Актриса ответила сдержанно (20.VIII 1908): «<...> я прочту Вашу пьесу конечно но только сама. Я не люблю когда мнѣ читают <...> авторы» [РГАЛИ, ф. 778 (В. Ф. Комиссаржевская), оп. 1, ед. хр. 7, л. 1].

⁴⁸ Тут Санжарь заблуждается: «Въ первый же вечеръ я отдала себя всю, не жалѣя своихъ силъ; я не достаточно щадила себя, и ночью у меня начались такія кровохарканія, что побѣжали въ посольство за врачомъ» (*Мемуары Сары Бернар*, С послесловием К. Мендеса, Перевод с французского Л. Г., С.-Петербург 1905, 88).

⁴⁹ Ср.: «Челвед, в сущности, уже открыт, он помещается в моей комнате, я собираю материалы о человеке <...> строго проверенные в живой практике <...> человеком во истину можно не только родиться, но и сделаться путем организации, мастерства, искусства» («Дада»; РГБ, ф. 266, к. II, ед. хр. 10, л. 7).

⁵⁰ Санжарь перечислила эти книги, хотя не все они были завершены, в «Справке о писательской работоспособности» (15.IX 1931): I) «„Дада и Тетровский“ (зачинатели)»; II) «Человечья ремонтня»; III) «Состязание воятелей»; IV) «Самодельный человек»; V) «Иностранцы»; VI) «Еще одна революция»; VII) «Чекистка»; VIII) «Его Величество Мужчина»; IX) «Монтер человеческих машин»; X) «Осторожней, это не женщины!»; XI) «„Вымирающее племя“ (вчерашники)»; XII) «„Новая порода людей“ (сегодняшники)» (Там же, к. VII, ед. хр. 34, л. [1 об.—2]).

⁵¹ См. примеч. 61.

⁵² Ср.: «Собрались мы в П. К. только пролетарии, дети столяров да кухарок. Мы все самоучки <...> Мы все талантливы <...> П. К. ставит своей задачей: просмотреть, принять наследство идущее к нам, как из веков, так и из рук буржуазии. В П. К. мы выверяем и сортируем: что пропускаем в наше новое, а что отправляем, то в архив, то на свалку. Конечно, мы хозяйничаем в полном нашем праве на это наследство. А люди, <о> <ст> представители других классов, никак не могут с нашей такой деятельностью примириться: им кажется, что мы и глупы, и невежественны, и ничего не понимаем» («Летописи П. К.», 1925; Там же, к. III, ед. хр. 27, л. 10).

⁵³ В одном из писем (29.I 1924) Санжарь просит за счет ее авторского гонорара «выписать» для нее: «1. Всего Маркса»; «2.<. > всего Энгельса»; «3. всего Ленина»; «4. Всего Троцкого»; «5.<. > всего Бухарина» (Там же, к. VII, ед. хр. 40, л. [1]). Ср. в письме С. И. Гусеву, заведующему отделом печати ЦК ВКП(б): «<...> я понимаю каждую строчку Маркса — Ленина» ([1926]; Там же, ед. хр. 39, л. 1 об.). Другое высказывание Санжарь о классиках марксизма-ленинизма обнаруживает подавленную сексуальность, прорывающуюся в двусмысленной фразе: «Показала Сашенька мне у Маркса одну штуковину. А я это же самое, да еще похлеще у Ленина нашел, да еще там, где никто ничего не приметил» («Монтеры», 1931; Там же, к. VI, ед. хр. 29, л. 52).

⁵⁴ Неточный пересказ одного из тезисов «Капитала» (т. I, отд. III, гл. V, разд. 1).

⁵⁵ Санжарь, дочь уголовника и проститутки, подправляет свою биографию в соответствии со знаменитым тезисом Ленина (1917): «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством <...> Но

мы <...> требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством <...> в состоянии только богатые» (В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, Издание 5-е, Москва 1962, т. 34: Июль — октябрь 1917, 315). Это требование Ленина, эксплуатировавшее пейоративный характер выражения *кухаркины дети* и учитывавшее историю его возникновения (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, *Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения*, Издание 3-е, исправленное и дополненное, Москва 1966, 296—297, 349—350), Санжарь, как видно, приняла очень близко к сердцу (ср. название ее произведения: «В стране, где правят кухарки»). О том, что она — дочь столяра и кухарки, Санжарь в это время писала почти всем своим корреспондентам. Так, Е. Ярославскому (19.II 1926) писательница рассказывала о своих деревенских родственниках: «Они гордятся, что родили Вам и вам <sic!> Надеж<ду> Санжарь, писателя из кухарок. Они требуют от меня, чтобы я вернулась в партию, дают мне задание, наказ: чтобы я также научилась управлять нашим рабоче-крестьян<ским> государством. Они <...> слова Ленина о кухарках поняли буквально. Мать моя, работает сейчас в батрачках — кухарках, также требует, чтобы я была сознательным членом нашей республике. А коммунисты, точно сума походили, и мешают мне в моей сознательности» (РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 54, л. 1; см. также примеч. 52 и 77).

⁵⁶ Ср.: «<...> „вчерашникам“, по уши застрявшим во вчерашнем, доверять нельзя! Глотнув великих и богатых милостей буржуазной культуры, ее академий, университетов, наук, искусств, великих интеллигентских привилегий (интеллигенция и меньшевики с С.-Р. не даром ведь не могут <sic!> „от вчера“ оторваться), глотнув всей прелести европейской культуры, „вчерашник“ завяз, он предан этой культуре до последних подметок <...> И ни черта собачьего они не понимают в нашем историческом сегодня» («Ваятели новой культуры»; Там же, к. II, ед. хр. 12, л. 9—10).

⁵⁷ Ср. в письме к Е. Ярославскому: «У Воронского <...> я нарвалась на паршивое, чисто интеллигентское верхоглядство и неуменье разбираться в вещах (и еще в марксистах ходят, прямо смеху подобно!) <...> И эти „кургузые вчерашники“, хотели с'есть, проглотить меня, боевого, всеми смертями каленного „сегодняшника“ — еще-бы, так вот и далась!» (Там же, к. VII, ед. хр. 54, л. 2).

⁵⁸ В этом абзаце множественное число местоимений 1-го л. (*мы, нас, наш, наши* и др.) — это симптом не только мании величия, но и раздвоения личности. Ср. в других письмах Серафимовичу: «Я прячусь в псевдоним: на работах, котор<ые> я буду давать, будет стоять „фирма“ — автор Т. К. (Творческий коллектив) <именно так, например, подписана повесть «В мастерской тов. Адольфа» (Там же, к. IV, ед. хр. 3). — А. А.>. Для моих работ я даже такое авторство считаю правильным» (26.II 1926; РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 2); «Дорогой Александр Серафимович, *от меня требуют* написать, сказать Вам все, что я сейчас скажу». «Кто требует?» «Коллектив моего я, он-же и „Челвед“, он-же и П. К. (Пролетарский Карантин, контроль), он-же и человекостандарт» (23.I 1927; Там же, л. 13).

⁵⁹ Ср.: «<...> собственноручно учила себя украдкой, в клозете, по ночам» (РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 54, л. 1 об.).

⁶⁰ Неологизмов, образованных по этой модели, у Санжарь великое множество: *комтупицы, ком-вчерашники, ком-дураки, ком-цезарятник, ком-пролет-Олимп, ком-цацы, ком-дикари, ком-толпа, ком-алхимия, комчертовщина, ком-вельможи, ком-ин-*

квизиция, комсамодурство, комрамашка (то есть ком-ромашка), ком-бацько (о Сталине), ком-проф-лит-фашисты и др. (РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 11, 15, 18; РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 39, л. 4; ед. хр. 46, л. 1, 3 об., 4 об.; ед. хр. 49, л. 1, 2 об.; ед. хр. 42, л. 9, 15; и мн. др.). Эта словообразовательная модель, в то время чрезвычайно продуктивная [см. хотя бы: А. М. Селищев, *Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)*, Москва 1928, 162—163], среди прочего была «санкционирована» резолюцией ЦК «О политике партии в области художественной литературы» (18.VI 1925): «По отношению к пролетарским писателям партия должна занять такую позицию: всячески помогая их росту и всемерно поддерживая их и их организации, партия должна предупреждать всеми средствами проявление комчванства среди них как самого губительного явления <...> Против капитулянтства, с одной стороны, и против комчванства, с другой — таков должен быть лозунг партии» (цит. по: *О партийной и советской печати: Сборник документов*, Москва 1954, 345).

⁶¹ Воронский Александр Константинович (1884—1943), редактор журнала «Красная новь», член редакционной коллегии Госиздата. 6.IV 1925 Воронский писал о повести Санжарь «Дядя»: «<...> вещь главным образом публицистическая. Основная мысль мне кажется глубоко ошибочной. Т. Санжарь строит своего человека оторванно от всего массового революционного движения, от партии и т. д. <...> Для „Красной Нови“ не подходит, но может быть издана отдельно при условии: 1) нужно выбросить публицистику, оставив факты, события, картины, 2) нужно снабдить работу т. Санжарь особым предисловием». «У т. Санжарь несомненно есть свой стиль. К сожалению она, по видимому, спешит с работой, либо не имеет возможности ее отделать. Есть интересные факты» (РГБ, ф. 266, к. VIII, ед. хр. 111, л. [1—1 об.]). С Воронским вела борьбу группа пролетарских писателей, тяготевших к журналам «Октябрь» и «Молодая гвардия». Их поддерживал Серафимович, может быть потому, что Воронский-критик игнорировал его творчество (ср.: А. Г. Дементьев, «А. Воронский-критик», А. Воронский, *Литературно-критические статьи*, Москва 1963, 11—12). По предложению журнала «На литературном посту» в июле 1925 г. (после резолюции ЦК, во многом направленной против Воронского; см. примеч. 60) Санжарь написала статью «Воронщина, как культурное бедствие»: «<...> эти люди не позволяли нам, уже квалифицированным мастерам, творцам новой культуры, крикнуть в печати о нашем общем несчастье <...> Воронский и убийственные „кнопки“ его „стана“, вот уже три года поддерживают меня в смерти заживо <...> может он не коммунист, может ворона забравшаяся не в свое гнездо? Надо проверить»; «<...> тут я Воронскому отлично намылила шею <...> И этим я обрекла на смерть все мои работы». Санжарь утверждала, что Воронский запретил ее печатать из личной антипатии: «<...> обрекали меня на безработицу, на голод, на смерть заживо <...> Меня ославили по Москве, как психопатку, ни на что больше не годную, как врага партии: так приказал Воронский и его стан»; «„Воронщина“ и не только в литературе, как дикий, слепой и глупый слон, вытаптывает все молодые, ценные побеги нашего исторического сегодня» (РГБ, ф. 266, к. IV, ед. хр. 14, л. 1—3, 5, 6, 7). Несмотря на конфликт с Воронским, в журнале «На литературном посту» печатать статью Санжарь отказались.

⁶² Ср.: «<...> Володя <то есть Ленин. — А. А.> не будет рабом стихий внешних и внутренних, где Луначарский и ему подобные, распластаются, как рабы тела, „половой

гастрономии“, там Володя будет стоять, как стальной» (Там же, к. VII, ед. хр. 48, л. 7 об.). Санжарь была обозлена на Луначарского, поскольку не получила от него ответа на свое письмо от 16.XII 1924: «<...> меня окружает лживая, нечестная, порочная истинно „Дымовка“ — в ней замешаны и коммунисты и даже доктор Семашко: вместо того, чтобы помочь мне своим медицинским авторитетом, доктор отсылает меня в несуществующую в Наркомпросе организацию <...> меня загоняют в „дефективную“, в „психопатку“, в „истеричку“» (Там же, ед. хр. 43, л. 1; см. также примеч. 72 и 78).

⁶³ «Воронщиной» Д. Фурманов «загипнотизирован» не был. В его дневнике (18.XI 1925) Воронский охарактеризован так: «Он схоластик-интеллигент, воспитавшийся на старине и ею совершенно насквозь промоченный. И из нового кой-что он понимает, но <...> и только. А водружать новое, укреплять, развивать, помогать, выводить — на это его не хватает. И потому он будет перекувырнут» (Д. Фурманов, *Собрание сочинений: В 4 т.*, Москва 1961, т. 4: Дневники; Литературные записи; Письма, 332 и др.). Фурманов, не вовсе чуждый культуре, не мог относиться всеерьез к тому, что предлагала для публикации Санжарь. Не исключено, что она была одним из прототипов писательницы Д-вой, фигурирующей в набросках к его роману «Писатели»: «Слепая, но глупая преданность делу. Внешность лошадиная, претензии на юность <...> или, наоборот, отчаянным предстанет синим чулком (огромные валенищи, юбища широченная, чуть ли не из мешка, голицы на руках). Одним словом, человек „эстетически неустойчивый“ <...> В бешенство приводит свое начальство, всех окружающих, всех заседающих и даже случайно редко посещающих <...> смеются над <...> самым делом, представляемым и защищаемым ею столь карикатурно <...> Обидчивость ее — колоссальная. Человек она, правда, больной, нервный, все время на лечении, все время в своих тревожках и заботках <...> Так, анализируя, жаль ее, больной человек. Но и скучный, мочи нет, какой скучный. И тягучий. И обозленный. И обидчивый: только словечко скажи ей не так, сейчас кровь бросится в лицо, задрожит вся и, чуть сдерживаясь, процедит: „Так нехорошо... это не по-товарищески...“» «Тут она больше ничего и не скажет, зато за глаза всем другим наговорит про тебя такой ужас, так тебя отшифует, аттестует, что уши завянут, когда услышишь в передаче товарища ее мнение о тебе: „Последний негодяй... безобразный зверь...“ и т. д.» «Она пописывает: кратко, но плохо <...> Сама она, впрочем, о стихах своих более высокого мнения» (Д. Фурманов, *Из дневника писателя*, Под редакцией А. Фурмановой и с предисловием Н. Плиско, [Москва] 1934, 56—58).

⁶⁴ Накоряков Николай Никандрович (1881—1970) — прозаик, член правления Госиздата. Санжарь взывала к нему 7.IV 1925: «Тов. Накоряков, еще раз прошу Вас, будьте коммунистически честны: решите мою писательскую судьбу — я хочу знать, кто-же из коммунистов прав, те кто пишет и говорит мне, что я „галантлива“, что я „романистка диапозона Вербицкой, значение которой нельзя приуменьшать: ее читали наравне с Толстым“ — это на основании „Дади“ сказал и писал в отзыве т. Ашмарин. Мне говорят, на основании другой рукописи, бывшей у Ашмарина — „В стране, где правят кухарки“ (эту рукопись читал Серафимович, Тронин — из Ц. К. К., Никифоров, Юков) <см. примеч. 67. — А. А.> и тут разворачивается то, что я назвала „Литературной Дымовкой“ <см. примеч. 78. — А. А.>: одни говорят, что я „шелую партию“, что я стою вне революционного и рабочего движения, а другие на основании этой-же работы видят во мне „безусловно коммуниста“ (Серафимович) <...> ведь за

что-то Юков, Серафимович и друг<ие> меня защищают, дают мне братски рубли, чтобы я не голодала, дают мне советы, как из этой „Дымовки“ спастись» (РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 47, л. 1—1 об.). Через месяц (6.V) Накоряков, возглавлявший Литературный отдел, писал в Финсектор Госиздата: «По договору от 22 августа 1923 г. <...> автор Н. Санжарь доставила свое произведение „Дадя“, по содержанию и характеру для издания неприемлемое. Так-как этим самым автор исполнил свои обязательства, — а Госиздат на основе договора не может к нему пред'являть каких либо требований об изменении существа произведения, — то необходимо сделать заключение, что договор нужно считать аннулированным, а все суммы, числящиеся за автором Н. Санжарь, подлежащими списанию со счета автора во вознаграждение за затраченный им труд и снесению в убыток в виду невозможности использования рукописи <...> Отдел также просит считать аннулированными все другие договора с Н. Санжарь» (Там же, к. VIII, ед. хр. 75, л. [1]).

⁶⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

⁶⁶ Березовский Феоктист Алексеевич (1877—1952) — писатель.

⁶⁷ Ашмарин (настоящая фамилия Ахрамович) Витольд Францевич (1882—1930) — литератор, секретарь издательства «Мусaget»; в 20-е годы — сотрудник издательства «Недра». Он не угодил Санжарь рецензией на «Страну, где правят кухарки» (24.IX 1924): «Полупублицистика, полубеллетристика, а в общем — невыдержанная по форме и трудно читаемая в таком виде вещь <...> если выделить ряд вопросов, поставленных очень остро, — наприм<ер> половой вопрос — то книжка могла бы получиться занятая и способная вызвать горячую дискуссию <...> в таком виде <...> появление книг автора в печати было бы нецелесообразным и вредным, как для автора, так и для ГИЗ-'а» (Там же, ед. хр. 110, л. [1]).

⁶⁸ Ингулов Сергей Борисович (1893—?), журналист и критик. С 1922 г. работал заведующим прессбюро ЦК ВКП(б).

⁶⁹ Смидович Софья Николаевна (1872—1934) — жена революционера П. Г. Смидовича, с 1919 по 1922 г. — заведующая женотделом МК РКП(б), в 1922—1924 гг. — заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б), с 1924 г. — редактор журнала «Работница».

⁷⁰ О ком идет речь, выяснить не удалось.

⁷¹ 22.VI 1923 С. Б. Ингулов писал Воронскому: «Посылаю Вам рукопись „Ваятели новой культуры“, которую я прочитал очень внимательно <...> Рукопись в смысле стилистическом не достаточно проработана, но зато содержание, идея выношены, продуманы и, несмотря на „своеобразное“ толкование „сегодняшних“ проблем пола, с своей точки зрения последовательны <...> т. Надежда Санжарь живет в невыносимо тяжелых условиях, голодает <...> Думаю, что выпустить книжку можно в „Круге“. По своему идеологическому подходу к теме, т. Санжарь, конечно, ближе к нам, чем целый ряд авторов, печатавшихся в „Круге“. «Рукопись требует тщательной редакции и обязательно предисловия <...> т<ак> к<ак> невозможно согласиться со всеми выводами автора — без оговорок, подчас серьезных» (Там же, ед. хр. 139, л. [1 об.]).

⁷² Санжарь очень беспокоила намеки на ее психическую неполноценность: «<...> приказали вгонять Санжарь в „манию преследования“» (Там же, к. VII, ед. хр. 39, л. 3); «<...> меня клеймят „эгоцентриком“, „анархисткой“, „демогогом“, „доносчицей“ <...> „склочницей“ и уж, конечно, психически свихнувшейся (ясно, отыми у моей дикой „оп-

позиции“ их без пяти минут психиатрию и им в борьбе со мной жить будет не чем)» (Там же, ед. хр. 46, л. 4); «<...> за мое нежелание „тонуть не пикнув“, меня зачислили в „психопатки“, в „истерички“» (Там же, ед. хр. 47, л. 1 об.). Наиболее примечательно с этой точки зрения письмо к Н. А. Семашко (30.X 1924), в котором Санжарь, обращаясь с просьбой о помощи, не может удержаться от доноса: «<...> говорят в партию набилось много масонов, врагов коммунизму <...> О такой вражьей работе, наверно, хорошо осведомлены и партия и ГПУ <...> всмотритесь в ту глупую, бездарную воду, в те пошлые, буржуазные отрывки, что Госиздат <...> ушатами льет на головы советских граждан <...> Я прошла школу, такие сумашедшие тренировки <...> В такой учебе фабрикуются: преступники, сумашедшие, проститутки, самоубийцы или отчаянные бунтари, революционеры, борцы»; «Я прошу Наркомздрав, с его невропотологами, обследовать мою человечью машину и медицинским свидетельством заткнуть глотки „без пяти минут психиатрам“, бракующим меня, как „явно порченную“ <...> Я прошу Вас <...> выслушать от меня, что делается у нас по писательской линии, довести эти безобразия до сведения нашей власти, настаивать своим медицинским авторитетом»; «<...> если мой голос <...> не достигнет туда, куда я его шлю <...> у меня решено: я убью себя. За мной, наверно, последуют и другие сильные: пусть наши зря замученные, мертвые тела колотят безобразную действительность, как ее колотить надо» (Там же, ед. хр. 49, л. 1—1 об., 3, 4). С аналогичной просьбой Санжарь обращалась к Е. Ярославскому: «Они, моя „дикая оппозиция“, даже в Ц. К. партии завяляли, что я „больная“, „истеричка“, „бездарна“ <...> я хочу <...> чтобы Вы, при случае, могли сказать в Ц. К. партии, что Санжарь не психопатка» (Там же, ед. хр. 54, л. 2 об.—3). Нездоровье Санжарь, видимо, бросалось в глаза. Ее бывший муж писал ей: «Такие неврозы лечат теперь психоанализом, не знаю применяется ли в Москве»; «Ты больна — надо лечиться <...> Если хочешь уцелеть, товарищ, подумай о себе, поучись тому, чего не знаешь, — тогда и только тогда сможешь и других „учить“ и лечить» (4.V 1926; Там же, к. VIII, ед. хр. 48, л. 15 об., 19 об.).

⁷³ В рукописи ошибка: в профосюзе.

⁷⁴ Санжарь перифразирует Гоголя («Ревизор», действие IV, явление XV).

⁷⁵ Санжарь перифразирует Грибоедова («Горе от ума», II, 5: 215).

⁷⁶ Протоисточник афоризма — высказывание Ж. де Местра (1811): «Toute nation a le gouvernement qu'elle mérite» (J. de Maistre, *Lettres et opuscules inédits*, Paris 1851, t. I, 215, 218).

⁷⁷ Ср.: «Типичная немощная благородь! Импотенты интеллигентские! С бугорка моих 51 г., и сознательности коммунистки и бедствий писателя, я в любой момент могу доказать правильность такого моего кухаркинаго диагноза» (из письма в Местком писателей, 23.XI 1926; РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 45, л. 1—2); «<...> вы безграмотную неряшливость, импотентность к себе самим прикрываете „любовью к коллективу и пренебрежением к личности“» (из письма в ЦКК при ЦК ВКП(б), 11.II 1926; Там же, ед. хр. 53, л. 4).

⁷⁸ См.: «Дымовщина (убийство корреспондента Малиновского в с. Дымовке, разоблачавшего злоупотребления местных деятелей). Термин получил широкое применение для обозначения злоупотреблений в сельской жизни со стороны местных властей» (А. Селицев, Указ. соч., 178—179; ср. примеч. 62 и 64).

⁷⁹ См.: «**Попіхач, ча, м.** Чоловікъ, которимъ каждый помыкаеть» (*Словарь украинского языка* <...> *собранный редакцией журнала «Киевская старина», Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко, Киев 1909, т. III: О — П, 328).*

⁸⁰ К сожалению, это только описка — в других случаях Санжарь цитирует этот афоризм точно (протоисточник см.: А. М. Бабкин, В. В. Шендецов, *Словарь иноязычных выражений и слов*, Издание 2-е, переработанное и дополненное, Ленинград 1981, [т. I]: А—J, 97).

⁸¹ В 1928 г. Санжарь пыталась вернуться в партию, рассчитывая на рекомендацию Серафимовича. В ответ на его отказ Санжарь писала: «Ты думал, я чего опять захотела в партию ВКП(б)? для того чтобы взять от нее великие и богатые милости? — тью, сумашедший! Да ничего подобнаго! Мне захотелось в партию только затем, чтобы сознательно-пролетарски похозыйничать там: в тришея вытурить из партии всех дураков и сволочей, которых вы все пригтели в несметном количестве (а мы все терпи)» (без даты; РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, ед. хр. 84, л. 36).

⁸² В 20-х годах Санжарь написала несколько пьес: «Представление о Марии Антиповне, товарище Фадейкиной», «По праву наследства», «Микробы московские», «Именины», «Посевная компания», «Художники» (переделка произведения, начатого в 1904 г.) — какая из них имеется в виду, неизвестно.

⁸³ Ср. письмо Санжарь в ЦКК при ЦК ВКП(б): «Почему Бухарин вам свой, а Санжарь чужая?» «Как чужая?! Да вы с'ума посходили! <...> Какой дурак вам это сказал? Какой подлец вас так обморочил? <...> ведь вы-же Ц. К. К., т<о> е<сть> мозговики из мозговиков!»; «<...> я не хочу больше терпеть в партии В. К. П. дикую мачиху — хочу милаго лица мамы! истоскавалась по этом лице <...> буду добиваться, чтобы эту чертову мачиху перелепить, загнать к чертовой бабушки»; «<...> прошу реабилитации моей психики» (РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 53, л. 6, 8, 9 об.).

⁸⁴ Санжарь знала, к кому обращается — ср. такой же подход в письме Серафимовича А. А. Кипену о ситуации в Лито (20.VII 1921): «<...> писатели голодные, холодные, разутые. Это — нужные писатели. А ненужные — с пайками, одетые. Надо вести борьбу, а я устал и хворый» (А. С. Серафимович, *Собрание сочинений: В 7 т.*, Москва 1960, т. 7, 531).

⁸⁵ То есть безнадежно устаревшее, из давно прошедшего: *жили-были* (и аналогичные формы единственного числа) — это почти всё, что в современном русском языке осталось от древнерусского плюсквамперфекта.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Осип Дымов подробно описывает свою встречу с Санжарь в книге «Что я помню» [267—261, II, ב. 1944, ניו-יאָרק (זכרונות), וואָס איך געדענק: זכרונות], נו-יאָרק 1944, II, ב. 267—261, II, ב. 1944, ניו-יאָרק (זכרונות), וואָס איך געדענק: זכרונות]; пользуемся случаем выразить благодарность Л. М. Даговичу, любезно согласившемуся перевести интересующий нас фрагмент]:

«Однажды в зимнее послеобеденное время кто-то позвонил в двери нашей квартиры. Прислуга Глаша вошла в мою комнату.

— Дама хочет Вас видеть, барин.

— Кто она такая?

— Это она Вам скажет лично, — заявила Глаша.

В комнату вошла женщина лет 28 с бледным страдальческим лицом, с серыми, якобы холодными глазами, хотя в действительности они были жадными и недобрыми, одетая в черное, просто, но со вкусом. Ее темные волосы были гладко зачесаны назад, оставляя открытым умный, красивой формы лоб. Что-то монгольское было в ее облике. В руках она держала портфель.

— Разрешите мне пока не называть Вам мое имя, — начала она. — Так мне будет легче объяснить Вам цель моего прихода. Это не так легко, поверьте мне.

Темное предчувствие того, что она хочет мне сказать, промелькнуло в моей голове. Несколькими минутами позже я уже знал, что моя интуиция не обманула меня. Я начал чувствовать себя очень неудобно.

— Я вчера тянула жребий, — сказала дама. — Я написала 12 фамилий на 12-ти бумажках и бросила их в вазу, и вытянула вашу фамилию.

— Да, мне никогда не везло в лотерее, — заметил я с невинным лицом.

Дама не ответила на мою реплику. Возможно, она не поняла иронии моего замечания.

— Какие фамилии там были?

— О, все молодые писатели: Блок, Андреев, Горький, Куприн...

— Разве Вы знакомы с ними?

— Только по имени. Я сама писательница.

— Неужели?

— Да, пока я еще неизвестна, но скоро обо мне узнают. Я сейчас пишу книгу.

— О чем Вы пишете?

— Книга будет называться „Записки Анны“. Вы хотите послушать главу из нее?

И прежде, чем я успел что-либо ответить, она вынула из портфеля тетрадь и начала читать.

Написано было бледно, без достаточного таланта, но содержание было интересным, и, признаться, оригинальным. Речь шла о молодой женщине, которая была замужем за больным, слабым мужчиной. Она хочет иметь ребенка. Того же хочет и ее муж. У нее возникает план: с согласия мужа она приходит к молодому адвокату, с которым она вообще не знакома, с предложением стать отцом ее будущего ребенка, и адвокат...

Тут я ее перебил:

— Вы замужем?

— Да.

— Вы живете счастливо со своим мужем?

— Нет.

Она сделала паузу и, глядя мне прямо в лицо, закончила:

— Женщина не может быть счастливой с больным и физически слабым мужем.

Как стыдливая девушка, я опустил глаза.

— Очень оригинальная идея у Вашей героини, — начал я. — Но...

— Вы еще не знаете конца, — объясняла она, — хотите слушать дальше?

— Лучше в другой раз. Я... я должен скоро уйти. У меня мало времени.

— Хорошо, — согласилась она, — я постараюсь покороче. Адвокат понял, что это серьезная женщина, желающая все сделать честно. Он был вольномыслящим человеком, без грязных мыслей.

И опять я почувствовал на себе ее стальной взгляд. Но сейчас он был требовательным и действовал на меня почти гипнотически...

Она молчала. Впрочем, все было ясно. Я подумал: кто она? Авантюристка, которая ищет случайного знакомства и маскирует свои происки какой-то новой оригинальной формой? Или же все это серьезно, и книга, которую она пишет, — крик души женщины, лишенной материнства? Так или иначе, мне от всего этого было не легче. Наоборот, я только и думал, как убежать, как попросить ее, чтобы она забыла о своей лотерее, в которой я, не дай Бог ни одному еврею, вытянул мою незаслуженную судьбу.

Возможно, она все это почувствовала, потому что вдруг начала говорить о себе лично. Видимо, она сейчас чувствовала себя более свободно и назвала свое имя: Надежда Санжарь (נאדזשא סאנזארי). Она была казачкой, родилась на берегу Дона. Ее отец и вся семья были казаками. Горячая кровь текла в ее жилах. Страсть к жизни, к любви, к рождению ребенка была в ней очень сильна. Но она была связана, по ее словам, с большим, слабым мужем. Она даже назвала его имя. Он был евреем, естественно, крещеным. Я его как-то случайно видел. Мужчина лет сорока, с большой плешью, с преждевременно поседевшей бородкой, с кисло-печальным апатичным взглядом. Меньше всего этот еврей подходил для роли мужа донской казачки. Но так уж случилось, а теперь это стало драмой, скрытой, тихой трагедией, о которой не принято говорить, но с которой приходится смириться.

Моя нежеланная гостя все еще говорила, и чем больше она открывала свое гордое израненное сердце чужому случайному слушателю, тем больше мне становилась понятной ее честность, ее скитания по белу свету в попытках найти помощь. Но в то же самое время я становился все более холодным и отдаленным. Странное чувство униженности возникло в моей душе. Лотерея или не лотерея, пусть она оставит меня. Я сидел подавленный, словно был ее должником. Моя единственная мысль была: „Пусть только она скорее уходит“.

— Желаете ли Вы быть отцом моего будущего ребенка? — спросила она, и ее гипнотический холодно-горячий требовательный взгляд впился в мое лицо. — Я от Вас ничего не потребую. Вы будете свободны. У Вас не будет никаких обязательств, никакой ответственности за ребенка. Это будет мой ребенок, а не Ваш. Если хотите, я могу дать Вам заранее бумагу об этом.

— Почему Вы не хотите развестись со своим мужем, — перебил я ее, — и выйти замуж за другого?

— Он мой хороший друг. Я глубоко жалею его. Это во-первых, а во-вторых, Вы ведь знаете, как трудно получить развод православным, и сколько денег это будет стоить. Ведь мы оба православные.

На моем столе стояла фотокарточка моей сестры Анны. Я показал ей на портрет и сказал:

— Это моя подруга, я должен переговорить с ней...

Пусть Всевышний простит меня за ложь, но что мне оставалось делать? Надежда поднялась и наконец покинула мою комнату. Я подошел к окну и увидел, как ее муж,

одетый в теплое пальто, с преждевременно поседевшей бородкой, подошел к Надежде Санжарь. Все это время он ждал жену внизу. На сердце у меня стало еще тяжелее.

На следующий день я получил от нее большое письмо, через день второе, затем еще, еще и еще. Каждое утро я находил очередное письмо без почтовой марки, подсунутое под входную дверь. Содержание этих писем становилось все более откровенным. В конце концов я не выдержал и послал ей телеграмму: „Перестаньте мне писать письма, я все равно не читаю их“. На телеграмму я получил коротенький ответ, полный оскорблений. „Это была шутка“, — писала она. Она хотела испытать меня. Она описет меня в своей книге, разделается со мной как следует и т. д.

Некоторое время спустя я узнал, что она приходила к Александру Блоку, известному поэту, но его жена, дочь гениального химика Менделеева, выгнала ее. Писатель Леонид Андреев также рассказал мне о ее визите. Он почувствовал себя очень неловко, когда я сказал, что она была у меня еще раньше... Он так же просил ее оставить его в покое. Еще позже друг Максима Горького, художник Зиновий Гржебин (еврей, сын кантониста) рассказал мне, что Горький получил от нее письмо с подобным же предложением и с фотографией. Горький отнесся к этому более серьезно, чем мы, легкомысленная молодежь. Он увидел в этом глубокую человеческую драму и даже что-то революционное. Горький тогда жил на острове Капри в Италии. Он обсуждал это „предложение“ со своими близкими друзьями. „Что бы вы сделали, — спросили его друзья, — если бы получили пять, или десять, или даже больше таких писем?“ Писатель задумался и в дальнейшем об этом не заговаривал.

Книга Надежды Санжарь (סאנזאַרס בוך) „Записки Анны“ всё же вышла в свет и не вызвала большой сенсации в литературном мире. Я начал читать книгу со страхом, ведь она обещала „расписать“ меня как следует. Я там нашел описание молодого адвоката, на столе у которого стояла фотография его подруги (моей сестры). Он ничего не понимает в современной морали и придерживается старой заплесневелой формы жизни.

Книга „Записки Анны“ имела определенное влияние на молодых читателей. То тут, то там появлялись последователи „идей“ Санжарь. Одна восходящая поэтесса (в то время это не было редким событием) обратилась к поэту Максимилиану Волошину, который из-за нее дрался на дуэли с другим талантливым поэтом, Гумилевым, расстрелянным впоследствии большевиками.

Однажды, когда я сидел за обедом, ко мне запахавшись прибежали писатель Георгий Чулков (крещеный еврей, его настоящая фамилия была Чулок) и режиссер Всеволод Мейерхольд:

— Кончайте обедать и скорее идите с нами, извозчик ждет нас внизу!

— Что случилось?

— Надо немедленно ехать к Вячеславу Иванову (поэту и ученому) с предложением от Санжарь...

Они назвали мне фамилию этой молодой дамы, но я не поехал с ними и остался дома».

Осип Исидорович Дымов (настоящая фамилия Перельман; 1878—1959) оставил наиболее подробное описание схемы поведения Санжарь. Однако ее действия и притязания, поражавшие своей экстравагантностью, неоднократно засвидетельствованы в ме-

муарной литературе. Ср. «Встречи» В. Е. Беклемишевой: «В эти годы в литературных кругах Петербурга можно было встретить молодую писательницу N. Она была замужем фиктивным браком и желала иметь ребенка от кого-нибудь из талантливых людей того времени.

Мысль, что от талантливого человека у нее родится гениальный ребенок, не давала ей покоя. Почти одновременно она написала по этому поводу и Леониду Андрееву, и Вячеславу Иванову, и Александру Блоку.

Разно было отношение всех трех, но особенно поразило меня отношение Александра Александровича.

К письму он отнесся необыкновенно просто. Когда он говорил об этом, видно было, что он ясно понимает, что такое материнство для женщины, и считает, что она имеет на него право любой ценою» (Р. Б. Заборова, 'Новое об Александре Блоке', *Книги; Архивы; Автографы: Обзоры, сообщения, публикации*, Москва 1973, 53; на то, что писательница N — это Санжарь, впервые указал А. Е. Парнис: 'Дарственные надписи Блока...', 122). Тем не менее 29.IV 1907 Блок участвует в составлении текста ехидной телеграммы, адресованной Вяч. Иванову: «Дан ли зародыш. Не скупитесь». «Блоки. Сомов» (Е. Л. Белькинд, 'Блок и Вячеслав Иванов', *Блоковский сборник*, Тарту 1972, [вып.]. II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, 373; комментарий Парниса см.: 'Дарственные надписи Блока...', 122). Ср. также воспоминания Л. В. Ивановой: «Кто только не сиживал у нас за столом! Крупные писатели, поэты, философы, художники, актеры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, оккультисты; люди полусумасшедшие на самом деле и другие, выкидывающие что-то для оригинальности; декаденты, экзальтированные дамы. Вспоминаю одну, которая приходила к Вячеславу, упрямо приглашала его к себе на какой-то островок, где у нее был дом. Она хотела, чтобы он помог ей родить сверхчеловека. Говорили, что она обходила многих знаменитых людей с этим предложением» (Л. В. Иванова, *Воспоминания: Книга об отце*, Подготовка текста и комментарий Дж. Мальмстада, Москва 1992, 32). Возможно, следы аналогичной просьбы остались в письмах Санжарь Вересаеву (10.XII и 29.XII 1911): «Написавъ нѣсколько именъ писателей живущихъ въ Москвѣ, я свернула бумажки въ трубочки, перемѣшала и вытащила Ваше имя. Я никого въ Москвѣ не знаю, но она мнѣ нужна, нужны живые люди, нужны друзья <...> позовите меня хорошо, по человѣчески; выслушайте мое горе, помогите съ нимъ справиться. И никому объ этомъ не говорите» (10.XII 1911; РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 361, л. 1—2 об.). «Не осуждайте меня очень, что я не зная, какъ Вамъ самому живется, такъ Вамъ закричала, упрекая, требуя, новязывая интимность, котор<ая> очень обязываетъ. Я сознаюсъ немного одурѣла и орала не разбирая кому и какъ» (Там же, л. 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Помимо неудавшегося эксперимента с зачатием сверхчеловека, Санжарь проводила и другие, не менее своеобразные, опыты над принимающими ее всерьез мужчинами. Приводим полностью описанную ей в автобиографической «Книге о человеке» попытку довести до чужого сердца свои идеи:

«Я рѣшила дать ему генеральное сраженіе. Пока онъ поднимался по лѣстницѣ, я мгновенно раздѣлась и когда онъ вошелъ ко мнѣ, я, какъ безумная, металась по комнатамъ, срывая съ себя бѣлье и изступленно крича:

— Паукъ! Паукъ! Ради Бога, помогите! Маша, ищите, голубушка! Я ненавижу, боюсь пауковъ до ужаса, до смерти!

Я сорвала съ себя послѣднее — рубашку, чулки, вскочила на диванъ, ничего не видя, не соображая, дрожа и плача от испуга.

— Онъ въ бѣльѣ! Онъ тамъ! Онъ спустился съ потолка! Полѣзь мнѣ за шею. Найдите, раздавите его! Ой, онъ, можетъ, у меня въ волосахъ!

Я распустила волосы и трясла ихъ.

— Боже, онъ ползеть у меня по спинѣ. Ай-ай, спасите!

Я, как сумасшедшая, билась въ рукахъ до нельзя перепуганнаго Копчика, и тутъ только его замѣтила.

— Копчикъ милый, тамъ въ бѣльѣ паукъ. Онъ полѣзь мнѣ за шею. Я чуть не сошла съ ума. Я сильно перепугалась. Нехорошо мнѣ, кружится голова. Воды, пожалуйста, воды.

Копчикъ бросился къ графину, а я въ это время сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ ковра и грохнулась въ обморокъ по всѣмъ правиламъ сценическаго искусства. Копчикъ невѣроятно растерялся. Обливалъ меня водой, теръ одеколономъ, называлъ нѣжными именами, встряхивалъ мое безчувственное тѣло. А я зорко слѣдила за нимъ изъ-за полузакрытыхъ рѣсницъ.

Онъ былъ въ отчаяніи. Боясь, какъ бы онъ чего добраго не побѣждалъ за докторомъ и не испортилъ всѣ мои планы, я нашла нужнымъ вѣрнуться къ бытію и тихо застонала.

Какъ онъ обрадовался.

— Милая, милая, какъ ты меня напугала! Тебѣ лучше, скажи, тебѣ лучше?

Я стонала.

— Не трогайте меня, не трогайте... У меня пройдетъ, мнѣ надо полежать спокойно, тихо... — не трогайте...

Меня оставили въ покоѣ, — мнѣ только этого и надо было. Лежала я великолѣпно и знала, что дѣлала.

Когда у Копчика прошелъ острый страхъ за меня, ему, конечно, должны были ударить въ голову и моя поза и мое обнаженное тѣло.

Я наблюдала. Начинаясь самое страшное.

Онъ поблѣднѣлъ, покачнулся. Не отрываясь, жадно смотрѣлъ на меня, что-то шепталъ и качался, какъ пьяный. Со стономъ потянулся ко мнѣ и сейчасъ же отскочилъ, схватившись за голову. Какое страшное искаженное лицо. Зубы скрипятъ, пальцы корчатся. Вотъ онъ весь вытянулся и сейчасъ же согнулся, какъ для прыжка. Мгновеніе, и онъ бросится на меня, какъ вырвавшійся на волю звѣрь.

Я затаила дыханіе. Все было поставлено на карту: весь міръ, все будущее людей. Кто возьметъ верхъ — звѣрь или человѣкъ? Кому повелѣвать? Кому царствовать? Неужели опять звѣрю? Силы земныя и небесныя, помогите, помогите человѣку!

У меня такъ билось сердце, что, казалось, вотъ-вотъ разорвется. Копчикъ сдѣлалъ движеніе, насторожился, зачѣмъ-то оглянулся — Боже мой, совсѣмъ, какъ звѣрь! Я

приготовилась: живой не сдамся. Слезы отчаянія, гнѣва замутили глаза, полились не-
удержимо, горько. Копчикъ тихо вскрикнулъ, я проглядѣла какой-то рѣшающій мо-
ментъ. Я увидѣла только, что онъ отпрянулъ, какъ ужаленный, и не оглядываясь бро-
сился въ дверь. Звѣрь обратился въ бѣгство» (Н. Санжарь, *Книга о человеке*, 147—
149).

Далее, доведя своего поклонника почти до истерики фразами вроде: «Мнѣ нуженъ
наложникъ за деньги <...> Проститутка мужского пола мнѣ требуется» (Там же, 152),
героиня Санжарь, по-матерински обняв его, наконецъ, объясняет ему причину своей хо-
лодности:

«Птицы съ такимъ взмахомъ крыльевъ, какъ у меня, никогда не отдаются пѣту-
хамъ и воробьямъ... Это противостоестественно... Тутъ твой страшный предо мной грѣхъ.

Копчикъ шепталъ:

— Да, да, мамочка! Я понялъ, ты не женщина, ты сверхъестественное существо,
ты что-то такое, чего еще на свѣтѣ не было. Ты гроза на наши окаянныя души <...>

И такъ добытыхъ, такъ передѣланныхъ сыновей у меня уже есть не мало» (Там
же, 155, 156).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Имя Санжарь нередко оказывалось в паре с именем П. Карпова (ср. выше, при-
меч. 35). Этот писатель-самоучка обладал не меньшей напористостью, чем Санжарь.
3.XII 1910 Карпов улещал Брюсова: «<...> я просилъ Васъ отнестись возможно бла-
госклоннѣе и снисходительнѣе къ моимъ стихамъ, какъ стихамъ сына деревни, несущаго
всю тяготу народной жизни». Просьбу свою он мотивировал тем, что стихи его
«не хуже», чем у других. При этом в ход пускалась довольно грубая лесть: «Бываютъ
стихи первостепенные, второстепенные и т. д. Первостепенными можно признать
только Ваши, <Б>альмонта <...> послѣдніе сонеты Вячеслава Иванова, да нѣкоторые
стихи Сологуба». Ссылаясь на Мережковского и Философова, оказывавших ему содей-
ствие, Карпов уговаривал помочь напечатать его стихи «ради их». Он хотел, чтобы
Брюсов «какъ намѣстникъ Пушкина» отнесся к нему, «как в свое время относились к
Кольцову» (РГБ, ф. 386, к. 89, ед. хр. 19, л. 1—2 об.). Несколькими днями раньше
(26.XI 1910) Карпов пытался действовать и через Вяч. Иванова: «<...> сдѣлайте ми-
лость посодѣйствуйте, чтобы „О>ры“ издали маленькую мою книжку. Может что
нибудъ я заработаю на ней, а то мнѣ — конецъ <...> Я знаю характеръ „Орь“ и
думаю, что, без сомнѣнія мои стихи подойдут къ этому издательству <...> Конечно, для
меня, напримѣръ не можетъ служить снисхожденіемъ, что я до 15 лѣтъ пасъ стадо,
потомъ жилъ по батракамъ, потомъ бросилъ все и, самостоятельно выучившись
грамотѣ, принялся за самообразование. Но вѣдь я просто страдающій человекъ, тяжки-
ми условіями жизни, судьбою мучимый» (Там же, ф. 109, к. 27, ед. хр. 19, л. 2— 2
об.). «Мнѣ искренне хотѣлось бы помочь Вамъ, — отвечал ему на это Иванов (1.XII
1910), — но я сомнѣваюсь, чтобы къ тому оказалась у меня какая-либо возможность
<...> предупреждаю, что „Оры“ издать стиховъ Вашихъ не могутъ <...> Вы такъ уже
себя поставили, что поддержка литературная предполагаетъ въ значительной мѣрѣ со-

лидарность съ Вашими взглядами на вопросы общественности; этой солидарности во мнѣ Вы не найдете». По мнению Иванова, Карпову свойствен «дурной <...> при- емъ — говорить какъ бы не отъ своего лица <...> а не боѣе не менѣе как отъ лица нѣкоего множества, которое Вы называете „народомъ“, въ противоположность другому мнимому коллективу „интеллигенціи“ <...> Вы для меня, если хотите, кромѣ личности, еще и социологическій типъ, но не больше выразитель народа, чѣмъ Вашъ покорнѣйшій слуга. Я не Д. С. Мережковскій, который любитъ прислушиваться къ такимъ показаніямъ, на которыя Вы такъ щедры <...> Воззрѣнія же Ваши мнѣ кажутся и незрѣлыми, и неправыми, и не полезными для нашей души — *нашей*, т<о> е<сть> народа» [Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (= РНБ), ф. 124 (П. Л. Ваксель), ед. хр. 1791, л. 1, 2—2 об., 3]. «Конечно, — писал на следующий же день Карпов, — я такъ и зналъ, что Вы не одобрите моихъ воззрѣній — пускай неопредѣленныхъ и зыбкихъ, но искреннихъ и кровью сердца запечатлѣнныхъ <...> Но все же я не ожидалъ, Вячеславъ Ивановичъ, чтобы Вы просмотрѣли главную суть моихъ выводовъ и огуломъ отвергли ихъ. Тѣмъ боѣе не ожидалъ, что вѣдь Вы же по духу *родной* русскому народу; Вы не губите духовное достояніе русскаго народа, какъ большинство „интеллигентовъ“ <...> а наоборотъ возрождаете его своимъ глубокорелигиознымъ міровоззрѣніемъ». «Для меня большое несчастье, что я не обладаю большими знаниями, не способенъ къ діалектикѣ и говорю все рѣзко и прямолинейно <...> увѣренъ, что всякій на моемъ мѣстѣ не писалъ бы сдержанно и литературно, а — буквально — вопилъ бы!» (РГБ, ф. 109, к. 27, ед. хр. 19, л. 3, 6 об.).

В том же ряду озлобленныхъ литературныхъ самоучекъ находился М. Г. Сивачев: «Характерно отличіе современныхъ „представителей народа“, идущихъ въ интеллигенцію, отъ старыхъ, вѣчныхъ Ломоносовыхъ; оно въ томъ, что прежніе Ломоносовы <...> шли *учиться*; таково нормальное, естественное, всегда существующее, движеніе снизу вверхъ. Но не то мы наблюдаемъ у всевозможныхъ Пименовъ Карповыхъ, Сивачевыхъ, Санжарей и т. п. Не учиться они идутъ, а *учить*» [А. Крайний, 'Литературный дневник', *Русская мысль*, 1911, кн. VI, 18 (3-й пагинации)]. В 1924 г. с Сивачевымъ и Карповымъ Санжарь сравнивалъ Л. М. Клейнбортъ: «Как и Сивачев, как и Карпов, она уверена: *на с т о я щ а я* интеллигенция — это они» [Л. М. Клейнбортъ, *Очерки народной литературы: (1880—1923 г.г.): Беллетристы: Факты, наблюдения, характеристики*, Ленинград 1924, 82; глава называется «Сивачевщина: Мих. Сивачев, Пимен Карпов, Надежда Санжарь»]. Реакцію Санжарь на книгу Клейнборта предугадать было нетрудно: «„Конечно“ и я попала в „сивачевщину“, т<о> е<сть> в самую отчаянную группу погромщиковъ культуры, а с ней, „конечно“ и великой русской интеллигенціи»; «<...> нашему брату, „сивачевцу“, культура рабовладельцевъ и торгашей, действительно казалась „маленькой, черненькой, востренькой, какъ смертный грех“»; «Поганая у Клейнборта книга, некрасивая, нечестная <...> Глупость, злоба, месть непризнаннаго или разгромленнаго Октяремъ „второго самодержавія“, т<о> е<сть> нашей великой интеллигенціей <sic!>, так и хлещет изъ каждой страницы» («О писателяхъ<->самоучкахъ и Издательствѣ „Сеятель“, 1927; РГБ, ф. 266, к. VII, ед. хр. 2, л. 4, 8, 12—13).

В РНБ хранятся три письма Санжарь П. Карпову (1911). Во всехъ трехъ она даетъ своему литературному собрату полезные советы, предлагаетъ или обещаетъ ему помощь.

Любопытно, что в письме к единомышленнику (6.VI [1911]) Санжарь не скрывает своего прагматизма: «Я Васъ прошу перестаньте вопить, в такомъ состояніи только будете злить и отталкивать отъ себя людей. А они, пусть скоты, все-же Вамъ нужны. Надо стараться <sic! — А. А.> ихъ скотство обратить на благо. И для этого надо не теряться самому» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 3864, л. 3—3 об.). Санжарь сетует, что Карпов, хоть и считает ее другом, не доверяет ей и не дает прочесть свою работу. Она уверяет, что не может «что-либо скрасть», а только «прибавить отъ всего сердца и опыта» (Там же, л. 4). Однако Санжарь уточняет: «Не вздумайте присылать мнѣ своей работы в рукописи — читать не буду все равно. Только будут лишніе расходы на марки» (Там же, л. 4 об.; сама она, заметим, обременяла коллег-писателей чтением своих рукописей). В письме очень точно выражено отношение Санжарь к людям: «А я Вамъ вѣрю и буду очень огорчена, если окажетесь свиньей, какъ всѣ» (Там же, л. 4 об.).